

На правах рукописи

КОСЫРЕВА Марина Сергеевна

**ГЛОБАЛИЗМЫ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

10.02.01 – русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Волгоград — 2021

Работа выполнена в федеральном государственном казенном военном образовательном учреждении высшего образования «Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации»

Научный консультант — *Долгенко Александр Николаевич*, доктор филологических наук, доцент.

Официальные оппоненты: *Мякшева Ольга Викторовна*, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного);

Пименова Марина Васильевна, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», заведующая кафедрой русского языка);

Хуснутдинов Арсен Александрович, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», профессор кафедры отечественной филологии).

Ведущая организация — ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет».

Защита состоится 18 марта 2022 г. в 10.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.03 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400005, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vgpu.org>.

Автореферат разослан ___ декабря 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

К.И. Декатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Современный русский язык является закономерным этапом исторического развития русского языка. Одним из ключевых понятий, используемых при изучении устройства и функционирования современного русского языка, выступает слово, одним из способов представления языковой системы — словарь. В связи с этим исследование динамических изменений, происходящих в лексике русского языка, как в диахронии, так и в синхронии, относится к числу перманентно актуальных проблем русистики.

Лексическая система современного русского языка сложилась исторически и не только отражает многовековой опыт народа, но и реализует фундаментальные тенденции языкового развития, диалектика взаимодействия которых обуславливает динамику языковых изменений: тенденцию к экономии языковых средств и тенденцию к обогащению их арсенала. Динамичность изменений, с одной стороны, отличает лексическую систему как наиболее проницаемую область языка, с другой стороны, затрудняет ее изучение. Однако без уяснения количественных и качественных изменений, происходящих в лексической системе русского языка, невозможно составить представление о языковой системе в целом. Это тем более важно в контексте насущной потребности в научном осмыслении масштабов влияния языковой глобализации на современный русский язык. Все это обуславливает **актуальность исследования**, посвященного изучению нового класса слов в системе интернациональной лексики русского языка начала XXI в., который мы называем *глобализмами*. Оно осуществляется в данной работе на основе традиций и в контексте проблем изучения интернациональной лексики на материале русского языка с учетом достижений современной лингвистической глобалистики.

Лингвистическая глобалистика как относительно самостоятельная отрасль теории языка существует уже более четверти века. Отправной точкой ее развития справедливо считается выход первой редакции книги выдающегося лингвиста Д. Кристала «Английский язык как глобальный»¹. В рамках данной отрасли науки о языке установлено, что диалог культур на рубеже XX — XXI вв. развивается под знаком глобализации «западной» культуры и что инструментом ее распространения является английский язык. Результаты языковой глобализации ощутимы на разных уровнях языковой системы. При этом наиболее активному воздействию подвержена лексическая система. Русский язык, исторически в высокой степени открытый внешнему воздействию и активно восприимчивый к лексико-семантическому экспорту, предоставляет уникальный материал для анализа результатов языковой глобализации.

---

¹ Crystal D. English as a Global Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Степень разработанности проблемы. Изучение глобализмов в данной работе осуществляется на основе традиций и в контексте проблем изучения интернациональной лексики русского языка.

Первые опыты изучения интернациональной лексики относятся к началу XX в. и связаны с именами А. Мейе, Э. Рихтера, О. Есперсена, В.М. Жирмунского. Вековая история исследования интернационализмов постепенно приближает нас к пониманию данного феномена как на уровне терминологического определения, так и на уровне свойств. Так, например, Т.Р. Левицкая и А.М. Фитерман утверждают, что «интернациональными являются слова, которые в более или менее одинаковой языковой форме, грамматическом оформлении и смысловом содержании встречаются в ряде языков»². В.В. Акуленко предлагает оперировать более точными величинами при квалификации того или иного слова как интернационализма и считает интернационализмами «лексемы, сходные до степени идентификации в графическом или в фонетическом отношении с полностью или частично общей семантикой, выражающие понятия международного значения и сосуществующие в нескольких (практически не менее трех) синхронически сопоставляемых языках (в том числе неродственных или неблизкородственных)»³.

В современной интерлингвистике под интернационализмами, как следует из обобщающего определения Ю. А. Бельчикова, приведенного в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (1990), понимаются «слова, совпадающие по своей внешней форме (с учётом закономерных соответствий звуков и графических единиц в конкретных языках), с полно или частично совпадающим смыслом, выражающие понятия международного характера из области науки и техники, политики, культуры, искусства и функционирующие в разных, прежде всего неродственных (не менее чем в трёх) языках»⁴. Автор энциклопедического определения Ю. А. Бельчиков оперирует термином «слово», а не «лексема», но снимает требование грамматического тождества, выдвигая на первый план неродственность и количество языков (как минимум — три), в которых функционируют интернационализмы. В терминосистемах основных сфер жизнедеятельности в большинстве языков мы часто встречаем лексические единицы, совпадающие по значению и имеющие близкий фонетический облик (насколько эта близость возможна у неблизкородственных языков). Не случайно Ю. А. Бельчиков отмечает, что «развитие фонда интернационализмов в 20 в. идёт под знаком количественного роста и расширения сферы распространения, что связано с усилением интернационализации социально-экономических процессов, научно-техническим прогрессом, ростом международного научного и культурного обмена. Удельный вес интернациона-

---

²Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Проблемы перевода. М.: Международные отношения, 1976. С. 100.

³Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1972. С. 61-62.

⁴См. Лингвистический энциклопедический словарь / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. Ярцева В.Н. М.: Сов. Энциклопедия, 1990.

лизмов в ряде языков достаточно велик (например, в активном словаре русского, английского, немецкого, французского языков их более 10 %)»⁵. Однако в ситуации языковой глобализации на первый план выходит не существенное количество, а принципиально новое качество некоторых интернационализмов, которые в современной межкультурной коммуникации распространяются беспрецедентно быстро, что накладывает отпечаток на особенности их возникновения и функционирования в русском языке. Это позволяет нам выделить в интернациональном пласте лексики отдельный класс — глобализмы (лексические глобализмы).

Впервые в научной литературе с употреблением термина «глобализм» по отношению к лексическим единицам мы встречаемся в начале XXI в. в исследованиях В.Р. Богословской⁶, посвященных проблемам структурно-семантической и функциональной адаптации англоязычных заимствований в русском языке, выполненных на материале спортивной терминологии. Воздержавшись от определения понятия лексического глобализма, исследователь предположила, что глобализация английского языка может качественно повлиять на интернациональный пласт лексики русского языка. Это предположение оказалось справедливым.

Первая попытка самого общего определения термина «глобализм» принадлежит С.П. Денисовой, которая использует его для обозначения языковых единиц, известных «широкому кругу социально активных, высокообразованных людей, владеющих несколькими языками, в том числе и английским языком»⁷. В данном определении мы сталкиваемся с противоречием: с одной стороны, глобализмы претендуют на всеобщее распространение, с другой стороны, их распространение ограничено социокультурными характеристиками говорящих (социальная активность, образованность, владение иностранными языками).

Иное понимание лексических глобализмов встречается несколько позже в диссертационном исследовании О.С. Фоменко «Прагматонимы-глобализмы: лингвистический статус и функциональная специфика». Данное явление рассматривается ученым в рамках интернационального ономастикона как словесный товарный знак, функционирующий в «глобальных масштабах»: «Прагматоним-глобализм — это имя собственное для обозначения марки товара или вида предлагаемых услуг, которое распространено в транснациональных масштабах по всему миру, прочно закреплено в языковом сознании представителей различных лингвокультур, обладает значительным ассоциативным потенциалом по линиям языковых и экстралингвистических

---

⁵ Там же.

⁶ См., напр.: Богословская В.Р. Структурно-семантическая и функциональная адаптация заимствований (на материале спортивной лексики английского и русского языков) / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.

⁷ Денисова С.П. Глобализмы в языке массовой коммуникации // Русский язык: исторические судьбы и современность: 2-й Междунар. конгресс исслед. рус. яз. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2004. С. 430.

знаний»⁸. Однако в данном случае мы имеем дело только с разновидностью прагматонимов.

Поскольку в реферируемой работе глобализмы рассматриваются как разновидность интернациональной лексики, определяющим для нашего понимания данного феномена является конкретизация общих (родовых) и отличительных (видовых) свойств.

Глобализмы – это слова, сходные в фонетическом (и / или графическом) отношении и совпадающие по значению (полностью или частично) в глобальном и субглобальных (глобально значимых) языках.

В данном авторском определении родовые свойства глобализмов как разновидности интернационализмов (формальное и содержательное сходство) сопряжены с видовым отличием: вместо количественного показателя (не менее трех языков) на первый план выдвигается качественный (глобальный и субглобальные языки). Это обусловлено следующими обстоятельствами.

Понятие «глобальный язык» сегодня связано именно с английским. При характеристике понятия «субглобальный язык» необходимо учитывать, что оно де-факто соотносимо в родовидовом аспекте с понятием «язык международного общения», но не совпадает с понятием «наиболее распространенный язык», которым традиционно оперирует интерлингвистика. К числу наиболее распространенных языков современного мира, по данным ЮНЕСКО, относятся (в порядке убывания количества носителей языка) китайский, испанский, английский, хинди, бенгали, португальский, русский, японский, немецкий и французский языки. Глобальный язык всего лишь третий в этом своеобразном рейтинге. Однако в основных сферах современной межкультурной коммуникации (экономика, политика, наука, техника, спорт, потребление и пр.) он доминирует. По-настоящему глобальной межкультурная коммуникация стала лишь в эпоху Интернета, явившегося и инструментом, и посредником, и пространством, и объектом, и, возможно, даже субъектом коммуникации. В этой ситуации показатель количества носителей языка не является достаточным основанием для определения глобальной значимости последнего. На первый план выступает показатель количества «пользователей» того или иного языка в глобальной коммуникации. Кроме того, уровень владения «пользователя» конкретным языком в глобальной коммуникации оказывается факультативным показателем и зависит, не в последнюю очередь, от коммуникативной активности. В начале XXI в. в условиях глобальной англоязычной коммуникации, прежде всего в Интернете, новые слова и значения, появляющиеся в английском языке, стремительно проникают в лексические системы множества языков. При этом речь идет не только о терминах и терминоидах, жаргонизмах или экзотизмах, но и о словах, претендующих на статус общеупотребительных еще до лексикографической кодификации. Такие слова обеспечивают себе узнавание и понимание не только в пределах какого-то ареала (интернационализмы-европеизмы, интернационализмы-

---

⁸ Фоменко О.С. Прагматонимы-глобализмы: лингвистический статус и функциональная специфика / Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. С. 7-8.

американизмы и т.п.), но и в масштабах всей планеты — в глобальном масштабе.

Уточнение состава субглобальных языков стало возможно после 2014 г., когда интернациональной группой ученых (Ш. Ронен, Б. Гонсалвес, К. Ху, А. Веспиньяни, С. Пинкер, Ц. Идальго) был предложен новый метод оценки глобальной значимости международных языков⁹. На его основе исследователи построили карту контактов основных языков планеты и выяснили, что китайский и арабский, несмотря на большое количество говорящих, уступают по влиянию не только английскому, но и некоторым другим европейским языкам. По данным ученых, глобальная карта влияния языков имеет иерархическую структуру: «центральный узел» коммуникации (английский язык) окружен «узлами второго порядка»: немецким, французским, испанским, русским и португальским языками. Именно эти пять языков являются субглобальными (глобально значимыми) в начале XXI в.

Объект исследования — глобализмы в лексической системе современного русского языка.

Предмет исследования — фонетико-графические, лексико-семантические, грамматические и функциональные особенности глобализмов как отдельного класса интернациональной лексики.

Цель исследования — системное описание глобализмов в диахроническом (в контексте развития интернациональной лексики русского языка) и синхроническом (специфика адаптации и функционирования) аспектах.

Достижение указанной цели сопряжено с решением следующих **задач**:

- 1) изучение традиций исследования интернационального пласта лексики русского языка;
- 2) выявление динамики интернационализации словарного состава русского языка;
- 3) установление параметров языковой глобализации, повлиявших на развитие русского языка в начале XXI в.;
- 4) выявление особенностей фонетико-графической, лексико-семантической и грамматической адаптации глобализмов в современном русском языке;
- 5) анализ типологических особенностей и деривационного потенциала глобализмов в русском языке;
- 6) выявление специфики функционирования глобализмов в современном русском языке.

Гипотеза исследования: глобализмы представляют собой новый класс слов, возникший в результате глобализации английского языка. Глобализмы, с одной стороны, соотносимы с классом интернационализмов в русском языке, с другой стороны, обладают рядом свойств, выделяющих их из общего пласта

---

⁹См.: Ronen, S., Goncalves, B., Hu, K.Z., Vespignani, A., Pinker, S., Hidalgo, C.A. Links That Speak: The Global Language Network and Its Association with Global Fame // Proceedings of the National Academy of Sciences 111. 2014. № 52 [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.1410931111> (дата обращения — 15.05.2021).

интернациональной лексики, что накладывает отпечаток на особенности их адаптации и функционирования в современном русском языке.

Материалом исследования послужила авторская картотека, включающая более 20000 словоупотреблений, сформированная на материале Национального корпуса русского языка, толковых словарей русского языка, нормативного орфографического словаря, словарей неологизмов, словарей иностранных слов, отраслевых словарей и энциклопедий, онлайн-коллекции русскоязычных энциклопедий, словарей, справочников, приведенных в библиографии диссертации.

Отбор лексического материала проводился в соответствии с авторским определением термина «глобализм» на основе сопоставления данных Национального корпуса русского языка и словарной информации с данными корпусов британского и американского вариантов английского языка (British National Corpus и Corpus of Contemporary American English) и корпусов субглобальных языков (Base textuelle FRANTEXT, Corpus del Español, Corpus do Português и Das Deutsche Referenzkorpus — DeReKo).

Методы исследования обусловлены его целью, задачами, материалом и необходимостью наиболее полно раскрыть специфику нового класса интернациональной лексики. Это потребовало рассмотрения объекта и предмета исследования в тесной взаимосвязи лингвистических и экстралингвистических факторов развития языка в синхроническом (сопоставительный анализ языкового материала) и диахроническом (анализ процесса адаптации заимствованной лексики) аспектах с использованием комплекса методов: описательного, предполагающего наблюдение, сопоставление, обобщение, интерпретацию и классификацию материала, а также его количественную репрезентацию; метода компонентного анализа, способствующего осмыслению формирования семантической структуры слова; контекстуального, устанавливающего семантический и стилистический потенциал глобализмов.

Теоретико-методологической базой данного исследования послужили работы отечественных и зарубежных исследователей по проблемам *интерлингвистики* (В.В. Акуленко, Ю. А. Бельчиков, В.Р. Богословская, И.А. Василев-ская, В.В. Виноградов, Л.П. Гикал, А.А. Иваницкая, Л.П. Крысин, К.А. Левков-ская, Т.Р. Левицкая, Т.В. Максимова, Е.В. Маринова, А. Мейе, А.И. Смирницкий, А.М. Фитерман, О.С. Хлынова, В.И. Шаховский и др.), *лингвистической глобалистики* (А. Веспиньяни, М. Гёрлах, Б. Гонсалвес, Дж. Данн, С.П.Денисова, Ц. Идальго, В.В. Кабакчи, Д. Кристал, Н. Купланд, С. Пинкер, И.А. Пфа-ненштиль, А.А. Ривлина, Ш. Ронен, О.С. Фоменко, С. Хьявард, К. Ху и др.), *лингвокультурологии* (А.А. Брагина, Е.А. Земская, О.А. Корнилов, В.Г. Косто-маров, В.Н. Лескин, П. Филкова, В.М. Шаклеин и др.), *терминоведения* (К.Я. Авербух, М.В. Антонова, М.Н. Володина, Т.М. Горшкова, А.В. Калинин, С.П. Кушнерук, В.М. Лейчик, Д.С. Лотте, С.А. Массина, С.Д.Шелов и др.), *лексической семантики, лексикологии и лексикографии* (Н.Ф. Алефиренко, В.Д. Аракин, В.М. Аристова,

В.А. Богородицкий, Г.О. Винокур, В.Г. Гак, С.В. Гринев, Н.А. Кузьмина, Б.Н. Немченко, В.Н. Прохорова, А.А. Реформатский, Ф.П. Филин и др.).

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые проведен комплексный анализ глобальной лексики современного русского языка, выделяющейся из пласта интернациональной лексики в результате воздействия глобализационных процессов в начале XXI в. Выявлены особенности адаптации и функционирования глобализмов в русском языке начала XXI в.

Теоретическая значимость заключается в новом лингвистическом определении понятия «глобализм», в расширении научного представления о характере и результатах межкультурного взаимодействия в эпоху языковой глобализации. Впервые в лингвистическом анализе на уровне методологии использованы данные междисциплинарного исследования глобальных языковых сетей.

Практическая ценность работы обусловлена тем, что ее материал и результаты могут быть использованы в вузовских курсах современного русского языка, теории языка, межкультурной коммуникации, спецкурсах по лингвистической глобалистике, а также в лексикографической практике.

Положения, выносимые на защиту:

1. Традиции изучения интернациональной лексики в отечественной и зарубежной лингвистике формируют представление о принципиальной невозможности слова стать универсальным мировым явлением: этому мешают как существенные традиционные ограничения историко-культурного характера, так и типологические препятствия. Однако глобализационные процессы в культуре мира привлечение новых инструментов и технических средств современной коммуникации снимают эти ограничения. Для современного диалога культур понятия изоглоссы и ареала оказываются факультативными, так как языковые контакты в глобальной интернет-коммуникации утратили зависимость от географического пространства.

2. Если для получения английским языком статуса глобального было важно совпадение целого ряда экстралингвистических факторов, то для сохранения данного статуса определяющее значение имеют факторы собственно лингвистические. Ключевым для стабильности глобального статуса английского языка является то обстоятельство, что именно этот язык стал основным инструментом интернет-коммуникации. При этом факт свободного владения английским языком не так важен для языковой глобализации, как факт активного его использования.

3. Распространению глобальной лексики способствуют качественные изменения в коммуникации: устранение фактора расстояния и нивелирование фактора времени (возможность отсроченного ответа, манипуляций с программным и сетевым временем), создание сообществ, моделирование сетевой личности (создание легенды), возможность полной анонимности. Коммуникативная свобода является определяющим условием активизации обмена смыслами и словами, выражающими эти смыслы. Тенденция к яркости

выражения, к украшению речи, к языковой игре превалируют над фундаментальной тенденцией к экономии языковых средств.

4. В процессе адаптации к условиям новой языковой среды глобализмы проходят следующие этапы: стабилизация произношения и написания; лексико-семантическая определенность; грамматическая ассимиляция. Порядок следования этапов отражает и соответствующую им степень освоенности заимствованного слова, при этом полностью освоенными следует считать уже те глобализмы, которые приобрели в русском языке лексико-семантическую определенность, так как грамматическая ассимиляция может продолжаться и после словарной фиксации глобализма.

5. Для начального периода существования глобальной лексики в русском языке характерна вариативность формы, неустойчивость в написании и произношении. Со временем закрепляется один вариант, форма слова стабилизируется, происходит его формальная деварваризация. Однако некоторые

глобализмы сохраняют вариативность даже после кодификации в нормативных и специализированных словарях, что, с одной стороны, демонстрирует сложные перипетии формирования речевой культуры человека эпохи языковой глобализации, с другой стороны, обусловлено спецификой механизмов фонетико-графической адаптации заимствований в русском языке.

6. Основной причиной графической вариативности глобализмов являются различные способы введения их в русский текст (трансплантация, транслитерация и практическая транскрипция). Высокая скорость вхождения глобализмов в современный русский язык и относительно высокий уровень языковой подготовки участников глобальной коммуникации определяют такие особенности фонетико-графической адаптации глобализмов, как параллельная адаптация разными способами; преимущество практической транскрипции перед другими способами адаптации; быстрая стабилизация произношения и написания; закрепление за исконным графическим вариантом (буква Е) иноязычного произносительного варианта (звук [э]).

7. В процессе лексико-семантической адаптации регулярные синтагматические связи глобализмов с исконными лексемами приводят к развитию их семантической определенности и самостоятельности, что выражается в способности вступать в различные синтаксические, фразеологические конструкции, сочетаться со словообразовательными морфемами русского языка и за счет этого расширять значение. При этом заимствованные единицы, как правило, сразу же включаются в процесс деривации, мобилизуя грамматические возможности русского языка, что приводит к дальнейшему расширению состава глобальной лексики за счет дериватов.

8. Глобализмы представляют собой пласт лексики, активно функционирующей в речи носителей русского языка на уровне специальной и общеупотребительной терминологии, профессионального или социального жаргона. Жаргонная глобальная лексика отличается полифункциональностью, не свойственной терминам с их стремлением к номинативности. В свою

очередь, терминологическая глобальная лексика в процессе функционирования демонстрирует сочетание параллельной транстерминологизации и последовательной детерминологизации.

9. Каждый новый лексический глобализм не только обеспечивает неформальное общение носителей того или иного жаргона, но и обслуживает их профессиональные или социальные нужды и по мере употребления претендует на то, чтобы стать элементом лексической системы общелитературного языка. При этом в начале XXI в. наиболее интенсивно пополняется и функционирует компьютерная, экономическая, спортивная и консюмерная (связанная со сферой потребления) глобальная лексика.

Оценка достоверности результатов исследования. Достоверность результатов проведенного исследования обеспечивается анализом большого спектра научных источников; адекватностью и корректностью исследовательских методов; репрезентативностью и объемом анализируемого материала; методологической обоснованностью теоретических положений; использованием адекватного научного аппарата и соблюдением логики научного исследования.

Апробация результатов исследования. Основные идеи и содержание работы обсуждались на заседаниях кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кафедры русского и иностранных языков Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кафедры иностранных языков Новосибирского военного института войск национальной гвардии, представлены в докладах на 37 международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях в России и 4 за рубежом, в том числе: Всероссийской научной конференции «Терминосистема сферы государственного управления: проблемы диахронического, синхронического и сопоставительного анализа» (Москва, 2011), Международной научно-теоретической конференции «Коммуникативные среды информационного общества: Тренды и традиции» (Санкт-Петербург, 2016), XXIV Международной научно-практической конференции «Язык и культура» (Новосибирск, 2016), Международной научно-практической конференции «Научные тенденции: Филология, Культурология, Искусствоведение» (Самара, 2016), The Twelfth European Conference on Languages, Literature and Linguistics (Вена, Австрия, 2016) и др.

Основные результаты исследования отражены в 77 публикациях общим объемом 57,4 п.л., в том числе в 2 авторских монографиях (11,5 и 8,5 п.л.), 1 словаре (10 п.л.), 31 статье (14,1 п.л.), опубликованной в рецензируемых журналах, входящих в перечень ВАК, 1 статье в журнале, индексируемом в международной базе Scopus (0,3 п.л.), 5 статьях (1,7 п.л.) в зарубежных научных изданиях, 37 статьях и докладах (11,3 п.л.) в российских научных изданиях и сборниках научных конференций.

.Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и приложения. Общий объем диссертации составил 409 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, определяются цель и задачи работы, объект и предмет, формулируется гипотеза, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, указываются методы анализа и формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Интернациональная лексика в русском языке: традиции и проблемы изучения» посвящена анализу истории изучения интернациональной лексики, выявлению констант современной интерлингвистики, диахроническому анализу интернациональной лексики в русском языке. Исследование глобализмов требует выработки методологической системы координат, учитывающей как вековой опыт интерлингвистики, так и традиции исследования интернационального пласта лексики русского языка. Кроме того, определение места глобализмов в лексической системе современного русского языка возможно лишь с учетом динамики интернационализации его словарного состава.

В *параграфе 1.1 «Традиции изучения интернациональной лексики»* анализируется опыт изучения интернационализмов в трех аспектах, намеченных еще И.А. Бодуэном де Куртенэ: в генетическом плане, на основе синхронического сравнения языков и путем применения ареального метода.

Сложившаяся в лингвистике традиция позволяет относить к интернационализмам только знаки различных языков, сходные до степени отождествления как в плане содержания, так и в плане выражения. Последнее, по мнению одного из наиболее основательных исследователей интернациональной лексики русского языка В.В. Акуленко, означает сходство не только фонематической (и/или графической) оболочки, но и мотивировки («внутренней формы») знаков, достаточное для их узнавания и отождествления в сопоставляемых языках. Сходство и основанная на нем идентификация знаков различных языков могут иметь место в любых двух языках и проявиться в случае их соприкосновения и сопоставления применительно к нескольким языкам (за пределами близкородственных) говорят обычно об интернациональности знаков. Фактически существует больше типов международной общности знаков в лексике языков: среди связанных форм это интернациональные лексические и деривационные морфемы и основы, а среди свободных форм — интернациональные слова и аналоги (фонетические, словообразовательные, семантические и фразеологические)¹⁰. Можно говорить о явной и скрытой интернациональности знаков, но их особый характер в любом случае объективно подтверждается их функцией в ситуациях соприкосновения и сопоставления языков, когда они регулярно и массово

---

¹⁰ См.: Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1972.

отождествляются по форме и выражают одно и то же или почти одно и то же содержание, тем самым облегчая обмен информацией носителям разных языков.

Сходные знаки двух языков традиционно не квалифицируются как интернационализмы. Большинство ученых, таких как В.В. Акуленко, А.А. Белецкий, В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский, В.В. Келтуяла, А.И. Смирницкий и др., считает три языка минимальной основой для атрибуции международного элемента, при этом обычно выдвигается требование, чтобы эти языки представляли две или три неблизкородственные языковые семьи. На рубеже XX – XXI вв. создались уникальные возможности для одновременных многоязычных контактов. Чем большее количество языков участвует в контактах, тем активнее используются интернационализмы, тем больше возможностей для глобализации лексики.

Интернациональная лексика является наиболее наглядным и наиболее общепризнанным проявлением международной общности в словарях языков. Многие лингвисты сводят к лексике этого рода само понятие лексического интернационализма. По мнению Л.П. Крысина, подлинно интернациональные слова не должны иметь явных признаков происхождения из какого-либо живого языка, поэтому сюда преимущественно следует относить слова-термины греко-латинского происхождения и особенно новообразования на базе греческих и латинских основ, «не имеющие родины»¹¹. Однако мы не разделяем такое мнение, так как оно далеко от реалий современной глобальной коммуникации. В каждом из указанных случаев действительно выделяется некоторая частная группа фактов, особенно наглядно обладающих свойством интернациональности, однако это не может служить основанием для отрицания интернациональности других языковых явлений, существенные признаки которых оказываются такими же. Иными словами, происхождение слова не меняет факта его интернациональности. Более того – англоязычное происхождение слова делает его потенциально глобальным.

Среди требований к интернационализмам в ряде случаев учеными выдвигалось наличие международного характера обозначаемого этими словами понятия (см. работы В.В. Акуленко, Р.А. Будагова и др.). Однако мы склонны полагать, что для отождествления интернационализмов необходимо не совпадение понятий, а соотносительность значений. Поэтому не играет особой роли и международный или местный характер обозначаемого ими понятия. В данном отношении проявляется еще одно отличительное свойство глобализмов — они всегда выражают международные (всеобщие) понятия.

Анализируя степень близости понятия носителям данной культуры, которая, безусловно, сказывается на месте слова в словаре языка и на его функционировании в качестве интернационализма, следует отметить, что в культуру народа могут входить понятия, отражающие не только непосредственную действительность его собственной жизни, но и знания о жизни других народов, о природных явлениях, выходящих за рамки его собственного опыта. В этом случае можно было бы говорить и о

---

¹¹ Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. С. 451.

поликультурности, стоящей за словарями наиболее развитых европейских языков и в настоящее время постепенно распространяющейся во всем мире. Эта поликультурность, безусловно, отличает глобальный и субглобальные языки.

В параграфе 1.2 «Константы интерлингвистики» анализируется опыт интерлингвистических исследований, накопленный с начала XX в. до формирования на рубеже XX – XXI вв. нового исследовательского направления – лингвистической глобалистики.

В свое время В.В. Виноградов утверждал, что русский язык, освоивший основной фонд интернациональной лексики уже к началу XX в., располагал перед Второй мировой войной более чем ста тысячами интернациональных слов¹². С того времени количество интернационализмов в нем существенно увеличилось, прежде всего за счет терминологической лексики. Вместе с тем, упоминаемый В.В. Виноградовым слой европейских интернационализмов, бесспорно, является основным, наиболее заметным и многочисленным среди элементов этого рода в лексике русского языка. Здесь количественно преобладает специальная терминология, степень интернационализации и темпы расширения которой особенно велики. Но и в пределах лексики общего (не специального) значения и более популярной терминологии число интернационализмов весьма значительно. В начале 1970-х гг. В.В. Акуленко, сопоставив 60000 слов, представленных в словарях массового пользования в русском, английском, немецком и французском языках, установил около 7000 интернационализмов, объединяющих эти языки в пределах основной, наиболее употребительной части их словарного состава. При этом слово может быть ограниченным в своем употреблении социальной или профессиональной средой, может иметь характер неологизма, архаизма, экзотизма. Но основная часть международных европеизмов, по мнению В.В. Акуленко, последовательно представлена во всех четырех крупнейших европейских языках: английском, немецком, русском, французском¹³.

Для анализа глобализмов чрезвычайно важно то обстоятельство, что общим правилом (константой) интерлингвистики является большая степень сходства интернациональных слов именно в письменной, а не в устной форме. Она свойственна интернационализмам в целом, хотя в русском языке орфографическое оформление международной лексики часто оказывается специфичным по сравнению с западноевропейскими языками. Исторически такое отклонение русских слов от аналогичных слов других европейских языков объясняется, прежде всего, тем, что русский язык обычно транскрибирует (реже – трансфонирует и транслитерирует) заимствуемые слова, тогда как в западноевропейских языках заимствуемые слова транслитерируются, что нередко ведет к их буквальному совпадению в ряде языков. Однако такое совпадение действительно лишь в письменной форме речи.

---

¹² См.: Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М., 1972.

¹³ См.: Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1972.

Интерлингвистикой установлено, что частеречная принадлежность интернационального пласта русской лексики в целом соответствует общеевропейским характеристикам. Интернациональные слова в языках Европы относятся преимущественно к трем частям речи: в пределах общелитературной интернациональной лексики русского, английского и французского языков до 76 % существительных, до 18 % прилагательных, около 5 % глаголов и всего около 1% приходится на долю причастий, наречий и междометий. Здесь сказывается общая закономерность процесса заимствования слов: существительные всегда перенимаются легче, чем прилагательные и глаголы¹⁴. Существуют и типологические ограничения: производным прилагательным русского языка не всегда соответствуют прилагательные в других европейских языках. Вместе с тем ряду производных глаголов и наречий английского языка соответствуют в остальных языках глагольные и адвербиальные обороты. Особенно редки и ограничены рамками немногих языков случаи интернациональности междометий.

Особый пласт интернациональной лексики русского языка представляет терминология. Каждая терминологическая система является автономным пластом лексики языка, и неслучайно образование термина на базе общепотребительного слова иногда рассматривают не как переосмысление, а как заимствование слова, и сам термин в глазах неспециалистов уподобляется иностранному слову¹⁵. Выражаемые терминами научные понятия по самой своей природе стремятся к интернациональности, так как именно в тех областях человеческой деятельности, к которым относятся термины, наиболее широко осуществляются международные связи. В стилистическом плане термины в пределах своего подъязыка стремятся к однородности и экспрессивной нейтральности. В русском языке терминология по своему строению занимает более обособленное место, чем, например, в английском языке: часто русский язык применяет отдельные лексемы в обиходной речи и терминологии там, где английский употребляют одну лексему. Здесь используются собственные словообразовательные возможности русского языка, а также сказывается более высокий процент заимствованных слов в русской терминологии сравнительно с общелитературным словарем¹⁶.

В параграфе 1.3 «*Интернационализмы в русском языке*» анализируется интернационализация лексики русского языка, происходившая на протяжении всей истории его развития. Интенсивность данного процесса была различной в зависимости от интенсивности лингвистических контактов русского языка с

---

¹⁴Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. (Пер. с франц.). М., 1954. С. 35.

¹⁵См. об этом, напр.: Герд А.С. Семантика термина и его значение // Лингвистическая терминология в советском языкознании. Нижний Новгород, 1991. С. 17–18; Головин Б.Н. Типы терминосистем и основания их различия // Термин и слово. Горький, 1981. С. 3–10 и др.

¹⁶См.: Авербух, К.Я. Общая теория термина. М.: Издательство МГОУ, 2006; Богословская В.Р. Межкультурная коммуникация в сфере спорта и ее влияние на русскую спортивную терминологию конца XX века // Вопросы исследования и преподавания иностранных языков : Межвуз. темат. сб. науч. тр. Омск, 2002. Вып. 4. С. 300-306 и др.

языками Запада и Востока в связи с внутренними закономерностями развития самого русского языка на разных этапах эволюции на фоне социально-культурной истории русского народа и его отношений с другими народами. Со всей определенностью можно утверждать, что русский язык всегда был открыт для лексико-семантического обмена. Периоды инвазий сменялись периодами пуризма, но лексическая система русского языка оставляла и развивала из заимствованного словесного материала только то, что ей было нужно, а от остального со временем избавлялась.

Конец XX в. дал человечеству уникальное средство межкультурной коммуникации и, одновременно, беспрецедентную по величине и динамике расширения информационную базу — Интернет. Помимо того, что Интернет обеспечивает фактическую независимость участников межкультурной коммуникации от факторов пространства и, отчасти, времени, он позволяет оперативно пополнять интернациональный лексикон словами, необходимыми для номинации новых понятий глобальной культуры. Глобализационные процессы в культуре мира наряду с привлечением новых инструментов и технических средств современной коммуникации способствует глобализации интернационального пласта русской лексики.

Глава 2 «Языковая глобализация и развитие русского языка в начале XXI века» посвящена определению факторов и выявлению динамики глобализация английского языка, а также анализу особенностей развития русской лингвокультуры и русского языка в эпоху глобализации — в начале XXI века.

В *параграфе 2.1 «Глобализация английского языка: факторы и динамика»* исследуются свойства английского языка, детерминирующие его статус как глобального в современной лингвокультурной ситуации. Основопологающей идеей лингвистической глобалистики является тезис Д. Кристалла о том, что язык получает статус глобального тогда, когда его исключительная роль очевидна и признается в любой стране мира. Однако это заявление мало дает для понимания сути явления, так как основывается в основном на экстралингвистических факторах. По существу, речь идет о языке, который знают и на котором говорят на международном уровне, который характеризуется не только количеством носителей его как родного и как второго языка, но и его географическое распределение и применение в межкультурной коммуникации. В таком случае глобальный язык выступает в качестве лингва франка (на определенном этапе — в качестве пиджина), который позволяет людям из разных слоев общества и национальностей общаться на более или менее равноправной основе.

Исторически важным фактором для получения каким-либо языком статуса глобального языка является фактор власти. Латынь была глобальным языком своего времени, хотя была языком облеченного властью меньшинства в Римской империи: это был язык политических лидеров и администраторов, язык Римской армии, а позднее церковной власти Римско-католической церкви. Это приводит к мысли о том, что язык только тогда доминирует, когда его носители доминируют (и регионально, и глобально). Д. Кристалл пишет об

этом вполне однозначно: «Язык традиционно становится международным языком по одной главной причине: превосходство его носителей – особенно их политическое и военное превосходство. Объяснение тому одно и то же самое на протяжении всей истории. Почему греческий язык становился языком международного общения на Ближнем Востоке более чем 2000 лет назад? Не из-за интеллекта Платона и Аристотеля: ответ заключается в мечях и копьях армии Александра Великого. Почему латынь стала известной повсюду в Европе? Спросите об этом легионы Римской империи»¹⁷. Однако, несмотря на исторические аналогии, глобализация английского языка на рубеже XX — XXI вв. — явление уникальное. Эта уникальность обусловлена изменением представления о времени, пространстве и коммуникации. Условия для языковой глобализации сложились беспрецедентно благоприятные.

Предыстория глобализации английского языка справедливо связывается с политической и экономической мощью Британской империи, которая в XVII — XVIII вв. распространяла свое влияние практически на весь мир и сделала английский язык одним из основных международных языков. Наследие британского империализма — около 100 стран в современном мире используют английский язык либо как государственный, либо как официальный. Однако собственно глобальным английский становится вследствие американского экономического и политического, а затем и культурного (имеется в виду, прежде всего, культура потребления) превосходства во второй половине XX в. В сферах популярной музыки, кино, телевидения, бизнеса, финансов, спорта, информационных технологий господство США не ставится под сомнение, хоть и постоянно оспаривается. К началу XXI в. американское влияние в мире делает английский язык не просто крайне важным, но практически единственно возможным инструментом межкультурного взаимодействия не только в различных сферах рынка (особенно в сфере туризма и рекламы), но и в таких сферах, как наука и технологии (доступ к современным научным и техническим базам данных без использования английского языка невозможен; это обязательный рабочий язык международных научных мероприятий; научные журналы не издаются статьи без аннотации именно на английском и т.д.).

Сегодня в мире английский — это самый распространенный из пяти официальных языков ООН (английского, французского, испанского, русского и китайского). Для сравнения, английский язык востребован примерно 85% международных организаций, французский — менее чем 50%. Мало того, свыше трети международных организаций в качестве официального используют исключительно английский, причем эта цифра возрастает почти до 90% среди азиатских международных организаций. Последнее отчасти объясняет, почему китайский язык далек от статуса не только глобального, но и субглобального языка.

Однако было бы ошибочно полагать, что глобализация английского языка является следствием исключительно экономического и политического превосходства. Следует учитывать некоторые особенности английского языка,

---

¹⁷Crystal D. English as a Global Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 29.

предопределившие его победу в своеобразной гонке за глобальное лингвистическое господство.

Во-первых, это богатство и глубина лексического состава. Оксфордский словарь современного английского языка включает свыше 615 тысяч слов. Если учитывать научно-техническую терминологию, то суммарный лексический состав английского языка превысит один миллион слов, что делает его крупнейшим в мире. По некоторым оценкам, лексика английского языка в настоящее время активно прирастает новыми словами: от 8000 до 20000 лексических единиц ежегодно. Наличие большого количества синонимов, фразовое и идиоматическое богатство английского языка содержат потенциальную возможность для выражения самых разных смыслов и решения любых коммуникативных задач — от повседневного общения до высокой поэзии.

Во-вторых, английский язык обладает важным качеством гибкости. Она проявляется на разных уровнях языковой системы. Порядок слов, категория залога, возможность использовать одно и то же слово как существительное и глагол, большие деривационные возможности — все это работает на гибкость английского языка как коммуникативного инструмента.

В-третьих, грамматика английского языка имеет более высокую степень унификации, чем у большинства языков мира. Так, например, категория пола полностью передается словом и не требует дополнительной манифестации с помощью артиклей, как в немецком или испанском языках. Предикат легко может обойтись без субъекта. Падежные формы имен существительных в английском языке практически отсутствуют (за исключением некоторых личных местоимений), что по сравнению, например, с финским языком, который имеет пятнадцать форм для каждого существительного, или русским языком с его 12 формами (плюс 2-3 рудиментарных), представляет собой образец высшей степени унификации грамматической системы. То же следует сказать и о глаголе: если, например, в латинском языке глагол имел 120 возможных форм, а в современном немецком языке — 16, то английский оперирует всего 5 формами, из которых активно используются только 3.

В-четвертых, английский язык считается относительно простым в плане правописания и произношения: он не требует ни овладения тонкими тональными вариациями произношения, как кантонский, ни прихотливого, иногда до экстравагантности, сочетания согласных, как валлийский или гэльский. Разумеется, английский язык включает в себя какие-то звуки, которые, как правило, сложно произнести иностранцам, или звуки, которые имеют разнообразие возможных вариантов графической фиксации. Однако в пользу относительной фонетико-графическоманди простоты английского говорят регулярность в произношении согласных, свобода от диакритики гласных и согласных. Кроме того, заимствования из иностранных слов в английском языке, как правило, сохраняют оригинальное написание (передается через транслитерацию, а не трансфонацию). Фонетическая предсказуемость графической передачи в английском достаточно высока (по

данным Д. Кристала, 84%¹⁸), в то время как знающим латиницу, но не знающим английского, непредсказуемым по произношению покажется написание не более чем 3 % английских слов¹⁹.

В-пятых, глобализации английского языка способствует его космополитический характер: он активно принимает тысячи слов из других языков, с которыми исторически вступал в контакт, что дает ему чувство близости и доступности, своеобразного языкового гостеприимства, в отличие от таких языков, как, например, французский, в отношении которого официальная языковая политика делает все возможное, чтобы не допустить влияния других языков.

Главным фактором, благодаря которому английский язык обрел глобальный статус, на наш взгляд, является то обстоятельство, что он стал основным инструментом интернет-коммуникации, в которую сегодня вовлечены около 5 миллиардов человек (по данным *Google*), вводящих латиницей *логины* и пароли, создающих *аватары*, адресуящих *мейлы*, фиксирующих *теги*, публикующих *посты* и ведущих *блоги*. Принципиально важно учитывать то, что факт свободного владения английским сегодня не так важен для языковой глобализации, как факт активного использования. Для сравнения: самый распространенный язык в мире – мандаринский диалект китайского языка – насчитывает около 1 миллиарда носителей, а английский – около 400 миллионов, но английским, по данным Британского Совета, регулярно пользуются (не будучи носителями) еще около 2 миллиардов человек. Кроме того, глобальная интернет-коммуникация неумолимо расширяет состав «пользователей» глобального языка до указанных 5 миллиардов. Эти люди не могут обойтись без знания латиницы и минимального набора из нескольких десятков англоязычных слов, составляющих лексикон современного пользователя Интернета, и являются не носителями, а именно «пользователями» английского языка как глобального. В свою очередь, интернет-коммуникация способствует постоянному расширению состава «пользователей» глобального языка, поскольку английский стал не только источником, но и посредником для экспорта лексических единиц и грамматических конструкций в современной глобальной коммуникации.

Революция в области коммуникации, произведенная Интернетом, изменила способы общения людей. Необходимым условием является лишь наличие связи. Люди с регулярным доступом к Интернету и даже базовыми уровнем английского языка фактически имеют право голоса на международном уровне и становятся субъектами не только глобальной коммуникации, но и цифровой дипломатии. Увеличение числа источников информации и вовлечение в коммуникационный процесс большего числа субъектов делает более важным сам обмен информацией, нежели ее качество. Это в свою очередь, снижает требования к качеству языкового оформления в глобальной

---

¹⁸См.: Crystal D. *English as a Global Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

¹⁹ См.: *English in Europe* / Ed. by Manfred Görlach. Oxford: Oxford University Press, 2002.

коммуникации, субъектом которой выступает фактически любой пользователь глобального языка, независимо от уровня владения. В глобальной коммуникации Интернет и английский язык, таким образом, сосуществуют по принципу *manus manum lavat*.

В параграфе 2.2 «Русская лингвокультура в начале XXI века» анализируется лингвокультурная ситуация в России, представленная как определенный временной отрезок в развитии этнической лингвокультуры, и как отрезок, вписывающийся во вневременную традиционно-ментальную, языковую национальную культуру.

Принципиально важным изменением, повлиявшим на характер коммуникации в начале XXI в. и на русскую лингвокультуру, следует считать появление новых инструментов коммуникации. Сегодня в глобальную коммуникацию фактически включен любой обладатель смартфона. Интернет привлекателен тем, что управление сетевыми ресурсами здесь децентрализовано: на своем сайте каждый волен представлять любую информацию в любом порядке при условии, что она технически совместима с поддерживаемыми системой и браузерами, техническими протоколами. Она, разумеется, не должна противоречить действующему законодательству в сфере СМИ и информационных технологий. Однако контроль исполнения законодательства всегда носит реактивный характер, а это значит, что участники интернет-коммуникации в принципе связаны только техническими ограничениями в свободе волеизъявления в глобальном информационном пространстве.

Возможность иметь практически мгновенный доступ ко всем источникам информации одновременно и при этом делать индивидуальный выбор — возможно, главное достоинство интернет-технологий. Миллионы людей каждый день используют Интернет для различных целей. Интернет оказался постоянным источником новостей и информации не в последнюю очередь потому, что к нему можно произвольно подключаться и отключаться от него, а также потому, что его практически невозможно полностью отключить. Особое значение в глобальной коммуникации имеет то, что Интернет предоставляет не только стремящееся к бесконечности количество информации, но и возможность общения в реальном времени с использованием коммуникаторов, мессенджеров, социальных сетей. Это привело к качественным изменениям в коммуникации: аннуляция фактора расстояния и нивелирование фактора времени (возможность отсроченного ответа, манипуляций с программным и сетевым временем), создание сообществ, моделирование сетевой личности (создание легенды), возможность полной анонимности (как следствие, полной безответственности). Эта коммуникативная свобода является важным условием активизации обмена смыслами и словами, выражающими эти смыслы. Тенденция к яркости выражения, к украшению речи, к языковой игре превалирует над фундаментальной тенденцией к экономии языковых средств. Это оказывается весьма благоприятной почвой для англоязычной экспансии.

Ситуация, сложившаяся в русской лингвокультуре в период языковой глобализации, неизбежно накладывает отпечаток на особенности функционирования русского языка в начале XXI в.

В параграфе 2.3 «Русский язык в начале XXI века» анализируются основные особенности развития русского языка в обозначенный период. Изменения в функциональном статусе, в сфере социальной дифференциации, в лексике и фразеологии русского языка в начале XXI в. являются продолжением процессов и тенденций, отмеченных в отношении развития русского языка конца XX в. в исследованиях В.Г. Костомарова²⁰, В.Н. Шапошникова²¹, авторского коллектива под руководством Е.А. Земской²² и др. Русский язык остается одним из официально признанных международных языков. Владение русским языком, как и ранее, открывает широкий доступ к мировой информации, благодаря активной и многообразной переводческой деятельности в России. Но его роль в качестве одного из мировых языков становится более ограниченной по сравнению с английским языком. Существенно ограничена роль русского языка как языка международного сотрудничества и основного иностранного языка в странах Восточной Европы (бывшего социалистического лагеря), что тоже является результатом действия различных социальных факторов (ослабления традиционных связей, изменения социально-политической ориентации восточноевропейских стран и т.д.). В то же время в других странах мира (например, в Китае, Индии и др.) интерес к русскому языку неуклонно возрастает. В различных странах мира расширяются формы дифференцированного изучения русского языка с учетом его использования в сферах бизнеса, торговли, науки, туризма, спорта и т.п.

Существенны изменения в функционально-стилевой системе русского языка. Особо важную роль стал играть стиль публицистической речи. С точки зрения его распространения и значимости в общественной жизни, он занял доминирующее положение в системе функциональных стилей русского литературного языка. Русская публицистика в конце XX в. стала основной трибуной общественной мысли и полем противостояния в общественных отношениях. В начале XXI в. происходит актуализация публицистического начала в интернет-коммуникации. Стремление миллионов авторов публикаций (от коротких *твитов* до пространных *постов*) в сети Интернет, с одной стороны, к узнаваемости, с другой стороны, к выражению индивидуальности, неповторимости, «эксклюзивности» мобилизует публицистический арсенал речевых средств.

Свобода выбора и потенциальная анонимность интернет-коммуникации предопределяют ослабление автоцензуры: во многих публицистических текстах,

---

²⁰См.: Костомаров В.Г. Русский язык в иноязычном потоке // Русский язык за рубежом. 1993. № 2; Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-Пресс, 1994.

²¹Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. М.: МААП, 1998.

²²Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Ермакова О.П., Какорина Е.В., Крысин Л.П. и др.; Отв. ред. Земская Е.А. М.: Школа "Языки русской культуры", 1996.

в виртуальном общении и в устной речи снимаются табу на применение определенных языковых средств, открываются «шлюзы для широких потоков из сфер, для которых литературный язык был раньше закрыт и которые образованному речевому обиходу чужды по своему существу»²³. Это, помимо прочего, снимает барьеры для проникновения в устную и письменную речь иноязычных новообразований.

Изменения в системах лексики и фразеологии русского языка конца в начале XXI в. находят выражение в архаизации и деархаизации, актуализации и деактуализации, возникновении новых лексических и фразеологических единиц, в распространении новых заимствований, в различных семантических и стилистических трансформациях и др. Наиболее активным процессом в развитии лексической системы русского языка начала XXI в. продолжает оставаться обогащение за счет заимствований.

Расширение межкультурных контактов, массовое изучение английского языка, распространение иностранных фильмов, книг, товаров, а также поездки, активное включение российского бизнеса в глобальные экономические процессы, привлечение иностранных менеджеров к управлению российским бизнесом и многие подобные факторы обуславливают резкое увеличение состава и частотности употребления заимствований из других языков (в первую очередь, из английского). Лексический класс глобализмов в современном русском языке формируется как результат этих процессов.

Некоторые из факторов, оказывавших влияние на функционирование русского языка в конце XX в., в начале XXI в. катализируются. Так, например, благодаря возможностям Интернета еще более существенно расширился состав участников массовой и групповой (сетевой) коммуникации; удешевление мобильной связи и совершенствование ее технологий обеспечило беспрецедентное расширение спонтанного и диалогического общения, возрастание личностного и квазиперсонального начала в речи. Ослабление жестких рамок официального публичного общения привело к дальнейшей вульгаризации и обесцениванию речи, что, в свою очередь, отражает стремление к выбору новых средств выражения, новых форм образности за счет детабуизации определенных лексико-семантических пластов.

В то же время в начале XXI в. тенденция к безусловному предпочтению англоязычного слова русскоязычному (при равных прочих лингвистических условиях) претерпевает серьезную ремиссию — языковой вкус новой эпохи меняется. И все же в молодежной среде, наиболее активно ищущей новые формы выражения и наиболее ярко проявляющей себя в языковой игре, наблюдается все нарастающая тенденция к варваризации речи (*хейтить* вместо *ненавидеть*, *лузер* вместо *неудачник*, *фрик* вместо *чудак*, *бикосы* вместо *причины* и т.п.).

Для расширения возможностей русского языка в глобальной коммуникации мобилизуются все основные способы обогащения словарного

---

²³Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-Пресс, 1994. С. 41.

состава. При этом глобализмы дают нам пример сочетания обратной и прямой последовательности расширения словарного состава: процесс вхождения в язык новых единиц более интенсивен, нежели процесс образования новых единиц за счет уже имеющегося лексического потенциала, в то же время заимствованные единицы, как правило, сразу же включаются в процесс деривации, еще более расширяя состав глобализмов в современном русском языке.

Глава 3 «Адаптация глобализмов в русском языке начала XXI века» представляет анализ фонетико-графической, лексико-семантической и грамматической адаптации глобализмов.

Фонетическая адаптация иноязычного слова заключается в приспособлении его к звуковым законам русской фонетической системы, в уподоблении его звукового состава фонетической системе русского языка в соответствии с нормами литературного произношения. С фонетической адаптацией тесно связана его графическая адаптация (и орфографическая ассимиляция), которая способствует быстрому и полному освоению звукового состава иноязычного слова, если в его написании устраняются чуждые русскому языку элементы орфографической системы другого языка. Как единый данный процесс рассматривается в *параграфе 3.1 «Фонетико-графическая адаптация глобализмов»*.

Для начального периода существования заимствованной глобальной лексики, как правило, характерна вариативность формы иноязычного слова, неустойчивость в написании и произношении, например: ***blogger*** – *блоггер*, *блогер*; ***micro-flood*** – *микро-флуд*, *микрофлуд*; ***jabberserver*** – *jabber-сервер*, *джаббер-сервер*, *джабер-сервер*; ***offtopping*** – *офф-топпинг*, *офтоппинг*; ***startup*** – *старт-ап*, *стартап*; ***imageboard*** – *имидж-борд*, *имиджборд* и др.

Вариативность формы заимствованных слов объясняется тем, что слова заимствуются и устным, и письменным путем. Со временем форма слова стабилизируется, закрепляется один вариант. Однако некоторые глобализмы сохраняют вариативность даже после кодификации в нормативных и специализированных словарях. Так, например, слово *блогер* (от англ. *blogger*, от *blog*, от *weblog* — лицо, ведущее интернет-дневник, интернет-журнал событий, онлайн-дневник) впервые зафиксировано Национальным корпусом русского языка в 2008 г., а в графическом варианте *блоггер* — в 2009 г.: (англоязычный прототип появился в «Корпусе современного американского английского языка» в 1998 г., в «Британском национальном корпусе» — в 1999 г.). Слово *блогер* появилось в русском языке спустя 10 лет после появления его прототипа в английском языке. И хотя нормативным орфографическим словарем еще в 2013 г. был определен единственный вариант графической фиксации слова — *блогер*, графический вариант *блоггер* является более частотным не только в интернет-коммуникации, но и в рекламных текстах, и в публикациях СМИ, и даже в деловой переписке.

Другой характерный пример представляет слово *стартап* (от англ. *startup* «стартующий»), которое зафиксировано в «Корпусе современного американского английского языка» как термин, впервые использованный в 1976 г. для обозначения компаний с короткой историей операционной

деятельности, закрепилось в английском языке в 1990-е гг., было заимствовано русским языком и получило широкое распространение в 2000-е гг. В последнем издании нормативного орфографического словаря русского языка закреплён единственный вариант написания — *стартап*, однако в практике письменной речи экономистов, журналистов, чиновников наблюдается устойчивая тенденция к дефисному написанию *старт-ап*, хотя у него нет аналога с дефисным написанием в языке-источнике. Данная ситуация во многом обусловлена множественностью способов фонетико-графической адаптации заимствований в русском языке: трансплантация, транслитерация и практическая транскрипция.

Трансплантация при передаче глобализмов практически не используется. Исключения составляют дублиеты адаптированных другими способами слов, например: *SMS-сообщение*, *web-дизайн*, *Internet-страница* и т.п. Кроме того, такой способ традиционно используется для передачи имен собственных и товарных знаков: *IRC-чат*, *FidoNet*, *IQ-мест*, *WiFi-технологии* и т.п.

Более продуктивным способом графического оформления глобализмов в русском языке является транслитерация. В её основе — графический принцип, для реализации которого в письменном облике иноязычного слова используются буквы заимствующего языка. При этом транслитерация не учитывает оригинальный фонемный состав иноязычного слова, что существенно упрощает восприятие транслитератов людьми, не владеющими английским языком. Глобализмы в русском языке дают немало примеров полной транслитерации: *бан (ban)*, *тренд (trend)*, *скопер (scorer)*, *спам (spam)*, *Интернет (Internet)* и др. Однако в плане графической адаптации механизм транслитерации отнюдь не идеален, так как не все буквы английского алфавита можно перенести в русский язык даже с учетом множества стандартов транслитерации.

Еще одной особенностью адаптации глобализмов является наличие в транслитерированных глобализмах большого количества диграфов: *троллинг (trolling)*, *оффенс (offense)*, *клиннинг (clipping)* *читинг (cheating)* и др. Активное использование диграфов при графическом оформлении глобализмов связано, на наш взгляд, с необходимостью скорейшего освоения русским языком новых слов. Однако при этом стимулируется вариативность графических вариантов заимствованного слова: *блоггер – блогер*, *скроллинг – скролинг*, *клиппинг – клипинг* и др.

Примеры транслитерации триграфов и полиграфов в заимствованиях глобальной лексики нами не обнаружены. Это, на наш взгляд, связано не только с традиционной тенденцией к экспорту более простых для воспроизводства конструкций. При сравнительной продуктивности транслитерация не является оптимальным способом графического оформления заимствований и в процессе освоения глобализмов используется не всегда последовательно. В связи с этим в процессе графического освоения англоязычной глобальной лексики на первый план выступает способ, в современной русистике чаще всего называемый «практической транскрипцией», реже «трансфонированием» или «транскрипцией / транслитерацией».

В практической транскрипции ведущим является фонетический принцип,

предполагающий фиксацию произношения в письменном облике заимствования. Данный способ используется при оформлении в русском языке большей части глобализмов с финальными морфемами *-er*, *-ing*, например: *геймер (gamer)*, *файтер (fighter)*, *флудер (flooder)*, *бампинг (bumping)*, *фандрайзинг (fundraising)*, *флейминг (flaming)* и др.

Отсутствие единой системы англо-русских буквенных и звукобуквенных соответствий во многих случаях неизбежно порождает фонетико-графические варианты. Следует отдельно отметить, что в некоторых случаях результаты орфографической фиксации глобализмов не преодолевают вариативность. Особо значимо, на наш взгляд, то, что графическая традиция языка-источника (английского) оказывает определенное влияние на орфографическую практику языка-реципиента (русского). Активное функционирование глобализмов, происходящее параллельно с адаптационными процессами, приводит к усилению давления узуса на языковую норму (злоупотребление вкраплениями, нерегламентированное использование апострофа, использование узуальной Э вместо нормативной Е при орфографической фиксации звука [э]). Своеобразное навязывание орфографических привычек глобального английского языка приводит к орфографической дестабилизации и содержит потенциальную угрозу для системы субглобального русского, провоцируя расширение вариативности языковой нормы и расширяя спектр ортологических проблем.

В параграфе 3.2 «Лексико-семантическая адаптация глобализмов» анализируется лексико-семантическое освоение глобализмов как ключевой этап в процессе их адаптации в русском языке. К этому этапу относится больший или меньший отрыв глобализма от его прототипа, образование у него русских дериватов, появление и закрепление типичных и устойчивых словосочетаний, вследствие чего возрастает семантическая самостоятельность, которая считается признаком полного освоения слова языком-реципиентом²⁴. За критерий семантической освоенности заимствований в современном русском языке принимается, как правило, степень широты и многообразия их парадигматических и синтагматических связей²⁵. Эти связи, в свою очередь, определяются новыми лексико-семантическими вариантами, которые возникают у заимствования в лексической системе русского языка в результате приобретенной способности к семантическим сдвигам. Еще один важный признак полной семантической самостоятельности глобализма – возникновение новых значений на русской почве. Данная особенность характерна для глобализмов, которые становятся общеупотребительными, не в процессе детерминологизации или деварваризации, а именно в силу высокой востребованности и широкой употребляемости: *селфи*, *смайл(ик)*, *лайк*, *спам*, *фейк* и др.

---

²⁴Богословская В.Р. Структурно-семантическая и функциональная адаптация заимствований (на материале спортивной лексики английского и русского языков) / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.

²⁵Хлынова О.С. Лексико-грамматическая адаптация германских заимствований в русском языке конца XX века (на материале прессы 1991-2000 гг.): Дис. ... канд. филол. наук / Волгоград. гос. ун-т. Волгоград, 2001. С.48-52.

Вполне репрезентативной в данном отношении представляется лексико-семантическая адаптация слова *хайп*, ставшего одним из «слов года» в 2017 г., хотя в «Национальном корпусе русского языка» примеры его употребления по состоянию конец 2017 г. не были зафиксированы. Первоначально слово *хайп* появилось в экономической терминологии русского языка на рубеже XX – XXI вв. в результате транслитерации аббревиатуры *HYIP (High Yield Investment Program)*. За ним закрепилось калькированное значение «инвестиционный проект с высокой доходностью». Со времени появления в русском языке узкопрофессиональный экономический термин *хайп* вступил в синонимические отношения с общеупотребительным словосочетанием *финансовая пирамида*. Эта синонимия сохраняется. В середине 2010-х гг. в русский язык приходит еще один глобализм *хайп*, являющийся результатом практической транскрипции англоязычного прототипа *hype* (шумиха, ажиотаж). На первых порах слово *хайп* употреблялось параллельно с трансплантатом *hype*. Однако период конкуренции разных вариантов фонетико-графической адаптации был скоротечен, и уже в 2016 г. слово *хайп* стало широко употребляться в молодежной среде как сленговый эквивалент сочетаний «информационный шум», «искусственный ажиотаж», «назойливая реклама», а уже в 2017 г. (во многом благодаря рекламной коммуникации) вошло в моду и сегодня имеет тенденцию к получению статуса общеупотребительного. Дальнейшее расширение значения слова *хайп* происходит за счет адаптированной глагольной формы *хайпить (to hype)*, и русского деривата *хайпануть*. Эксемия слова *хайпить* приводит к возникновению синонимических отношений с устоявшимися элементами молодежного сленга — *тусовать(ся)*, *тусить* и т.п. Как следствие, слово *хайп* расширяет синонимический ряд *тусовка* — *туса* — *вписка* — *пати* и т.д.

Процесс лексико-семантической адаптации глобализма *хайп*, таким образом, начинается с появления омонимии, которой нет в языке-источнике, и дает нам примеры разных семантических сдвигов, в результате которых происходит и расширение синонимических рядов, и возникновение новых значений в языке-реципиенте, отсутствующих у англоязычного прототипа *hype*.

Для глобализмов в современном русском языке в целом характерна устойчивая тенденция к развитию семантической самостоятельности, к переосмыслению, что противоречит традиционной изолированности термина в лексико-грамматической системе языка, его неконтактности за пределами конкретной терминосистемы, стремлению к моносемии. Наш анализ показывает, что дуплетные синонимические отношения у глобализмов в русском языке мало развиты, что в целом соответствует терминологической природе глобальной лексики. Яркое исключение представляет собой синонимическая пара *тренд* – *тенденция*, однако и здесь глобализм вступает в дуплетные синонимические отношения не с исконным словом русского языка, а с более ранним и давно освоенным заимствованием.

Еще одним важным показателем полной семантической самостоятельности и высокой степени освоенности является словообразовательная активность заимствования. Регулярные синтагматические связи глобализмов с

исконными лексемами приводят к развитию их семантической определенности и самостоятельности, что выражается в способности вступать в различные синтаксические, фразеологические конструкции, сочетаться со словообразовательными морфемами языка-реципиента и за счет этого расширять значение.

Грамматическая эволюция глобализмов и подчинение их нормам русской грамматической системы рассматриваются в *параграфе 3.3 «Грамматическая адаптация глобализмов»*. Обычно заимствованное слово воспринимается в языке-реципиенте как целая непроезванная основа. Поскольку для русского языка как языка флективного строя особое значение приобретают конечные элементы слов, определяющие, наряду с семантикой, их родовую принадлежность, склонение и осуществляющие их синтаксическое согласование, в процессе адаптации заимствований к грамматическим условиям современного русского языка принципиально важным является оформление окончаний глобализмов.

Поскольку большое количество глобализмов представляет собой терминологические лексические единицы, следует учитывать, что по своему характеру терминология в основном номинативна: на долю существительных приходится подавляющее количество заимствованных слов. Это одна из констант интерлингвистики, связанная с тем, что имена существительные легко заимствуются и что в терминологии понятия большей частью выражаются именами существительными²⁶. Все заимствованные имена существительные получают грамматические категории, свойственные русским существительным: род, число, падеж.

Распределение существительных по родам совпадает с русским, когда речь идет об одушевленных существительных, обозначающих лиц мужского пола (мужской род). Заимствованные наименования людей относятся к мужскому роду. Они вошли в парадигму склонения существительных мужского рода на твердый согласный (II склонение):

И. райдер	хайпер	флудер
Р. райдера	хайпера	флудера
Д. райдеру	хайперу	флудеру
В. райдера	хайпер	флудера
Т. райдером	хайпером	флудером
П. (о) райдере	хайпере	флудере

Существительные, обозначающие неодушевленные предметы и понятия, распределяются по родам, как и исконно русские слова, по морфологическому характеру основы. Большинство пришедших в русский язык глобализмов оканчивается на твердый согласный. Они вошли в разряд слов мужского рода и

²⁶См.: Авербух, К.Я. Общая теория термина. М.: Издательство МГОУ, 2006; Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М., 1982 и др.

так же, как и одушевленные, включились в парадигму склонения существительных мужского рода на твердый согласный:

И. <i>бан</i>	спам	тренд
Р. <i>бана</i>	спама	тренда
Д. <i>бану</i>	спаму	тренду
В. <i>бан</i>	спам	тренд
Т. баном	спамом	трендом
П. (о) <i>бане</i>	спаме	тренде

В эту же парадигму включаются одушевленные и неодушевленные слова, оканчивающиеся на [j] и на мягкий согласный:

И. бичволей	тролль
Р. бичволея	тролля
Д. бичволею	троллю
В. бичволей	тролля
Т. бичволеем	троллем
П. (о) бичволее	тролле

Одушевленные и неодушевленные существительные, оканчивающиеся на *-и* и *-о*, традиционно входят в разряд несклоняемых существительных. Родовая принадлежность у таких заимствований, как правило, определяется по семантическому признаку. Однако в процессе грамматической адаптации глобализмов несклоняемые существительные чаще всего приобретают средний род в силу именно семантической неопределенности, например: **селфи** (*selfie*) — это и фото-автопортрет, и фотография самого себя.

Несклоняемые одушевленные существительные, оканчивающиеся на *-и*, могут оформляться и по типу грамматического общего рода, например:

кедди (*caddie*) — помощник (помощница) игрока в гольф, в чьи обязанности входит перенос спортивного инвентаря и помощь советами;

селебрити (*celebrity*) — широко известная личность, знаменитость.

В силу семантической дискретности — принципиальной множественности значений — некоторые неодушевленные существительные, оканчивающиеся на *-и*, получают в русском языке грамматическое оформление как *pluralia tantum*, например:

вики (*wiki*) — и веб-сайт, содержимое которого пользователи могут самостоятельно изменять с помощью инструментов, предоставляемых самим сайтом, и коллекция взаимосвязанных блоков информации, и принцип (или технология) размещения информации на сайте.

Встречаются и такие примеры, когда в зависимости от значения омонимические глобализмы приобретают разные родовые признаки, например:

дерби (*derby*) — 1) средний род: принципиальное противостояние, соревнование между командами одного населенного пункта, региона; 2) *pluralia tantum*: туфли с открытой шнуровкой, на которых боковые стороны пришиты поверх передней части.

В процессе грамматической адаптации глобализмов, таким образом, реализуются все пять типов родовой принадлежности имен существительных в современном русском языке: мужской, женский, средний, общий, не имеющие рода.

Категории числа в русском и английском языках имеют много общего. Склоняемые существительные, обозначающие конкретные одушевленные и неодушевленные предметы, имеют и единственное, и множественное число: *keeper, keepers* — **кипер, киперы**, *ban, bans* — **бан, баны**, *like, likes* — **лайк, лайки** и др. При этом класс *singularia tantum* в рамках общеупотребительной лексики представлен только именами собственными, со свойствами прагматонимов, например, **Интернет**.

Особенность освоения русским языком иноязычного глагола состоит в том, что при заимствовании глагола необходима словообразовательная обработка слова, состоящая в присоединении соответствующих аффиксов²⁷. Эта обработка происходит одновременно с появлением глагола в употреблении. Без нее невозможно функционирование иноязычного глагола в системе русского языка. Нами установлен только один путь адаптации глагольных глобализмов: к корню англоязычного существительного присоединяется суффикс: *-a, -и* или *-ну*, например:

to ban — **банить**,
to chat — **чатить(ся)**,
to troll — **троллить**,
to like — **лайкать (нуть)** и др.

То же относится и к именным новообразованиям английского языка, быстро распространяющимся через каналы глобальной коммуникации:

Google — **to google** — **гуглить**,
Twitter — **to twit (tweet)** — **твитить(нуть)**.

Все глаголы такого рода в настоящее время носят разговорный характер.

Имена прилагательные обычно образуются от заимствованных существительных с помощью словообразовательных средств языка-реципиента. Передача адъективных значений (разумеется, не в таком объеме, как номинативных) из глобального английского в русский язык в начале XXI в. происходит более интенсивно. При этом глобализмы оформляются не только как отдельное слово с помощью традиционных суффиксов прилагательного (например, **грамурный** от *glamour*, **рандбмный** от *random* и др.), но и как префиксоид с адъективным значением, являющийся первой частью сложных слов: **бьюти-индустрия**, **тренд-анализ**, **вики-система** и т.п.

По указанной схеме передача адъективных значений происходит, по сути, за счет перехода одной части речи в другую. Причем, в данной схеме участвуют не только имена существительные, но даже междометия, например, **Vau!**:

вау-фактор, **вау-импульс**, **вау-момент** и т.п.

---

²⁷Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М: Просвещение, 1972. С.103.

Как показывают наши наблюдения, такая своеобразная адъективизация представляет собой редкий случай смены лексико-грамматической отнесенности глобализмов в системе современного русского языка.

Наконец, следует особо отметить беспрецедентные случаи прямого заимствования наречий русским языком начала XXI в. из глобального английского. Примечательно, что во всех отмеченных нами фактах речь идет о наречиях образа действия, например: **онлайн** (*on-line*) — в режиме реального времени; **топлес** (*topless*) — с голым верхом и др.

Из слов других частей речи в русской глобальной лексике (прежде всего, в молодежном и компьютерном жаргонах) закрепились несколько междометий и частиц, например:

Вау! (*Wow!*) для выражения эмоции удивления, как правило, позитивной (ср. *Ух ты!*).

Упс! (*Oops!*) эмоциональное выражение при ошибочном, неловком действии или оговорке (ср. *Ой!*).

Самый распространенный в мире и наиболее употребительный в современном русском языке глобализм является утвердительной частицей — **окей** (*o'кей*), которая нередко приобретает обстоятельственное значение и тяготеет к наречию (*все будет окей*).

Глава 4 «Функционирование глобализмов в современном русском языке» посвящена выявлению деривационного потенциала, особенностей функционирования глобализмов в русском языке начала XXI в., а также представляет варианты их типологии.

В процессе интеграции в систему русского языка глобализмы активно реализуют деривационный потенциал, образуя производные по продуктивным словообразовательным моделям русского языка. В процессе адаптации заимствованное слово принимает аффиксы и флексии по аналогии со словами исконными, затем в процессе употребления в речи дают новые производные. Как показывает анализ в *параграфе 4.1 «Деривационный потенциал глобализмов»* деривационная активность конкретных глобализмов фактически зависит от востребованности их в речи.

Специфика грамматической адаптации англоязычных прилагательных определяет высокую продуктивность модели образования относительных прилагательных от существительных суффиксальным способом при помощи суффиксов *-н (-йн)*, *-ов (-ев)*, *-ск*, например: *селфи* — *селфийный*, *фейк* — *фейковый*, *хайп* — *хайповый*, *хакер* — *хакерский* и др.

В качестве мотивирующих (производящих) для прилагательных с суффиксом *-ов (-ев)* выступают основы неодушевленных существительных разных тематических групп глобализмов, оканчивающиеся на твердый согласный, например: *трендовый*, *флеймовый*, *спамовый* и др.

Прилагательные с суффиксом *-ск* образуются от заимствованных одушевленных существительных. Производящие основы оканчиваются на твердые парные согласные, например: *блогерский*, *дайверский*, *флудерский* и др.

Относительные прилагательные, в свою очередь, выступают в качестве

производящих основ. От них образуются:

префиксальные прилагательные, например: *спамовый* — **антиспамовый**;
сложные прилагательные, например: *иннинговый* — **двухиннинговый**;
наречия, например: *хакерский* — **по-хакерски**, *хайповый* — **хайпово**.

Названия вида деятельности дают дериваты со значением «заниматься тем, что названо производящей основой», например: *пиар* — **пиарить(ся)**, *троллинг* — **троллинговать**.

От большинства глобализмов образуются глаголы, которые, в основном, носят разговорный характер. При этом в ряде случаев такие разговорные дериваты глобализмов образуют видовые пары, например:

лайк — **лайкать** — **лайкнуть**,
пост — **постить** — **запостить** и др.

Некоторые заимствованные глаголы дают отглагольные синтаксические дериваты — существительные со значением отвлеченного действия, например: *кикать* — **кикание**, *клинчевать* — **клинчевание** и др.

Отглагольные существительные образуются при помощи суффикса *-ни* после гласной производящей основы. Продуктивный в русском языке тип образования отглагольных существительных при помощи суффикса *-к* после сочетания «гласная + парная твердая согласная» (напр., *блокировать* — **блокировка**) в дериватах глобализмов нами не обнаружен. Это связано с тем, что, из глобального английского русским языком заимствуются в основном, имена существительные, а не глаголы.

От некоторых названий людей образуются отвлеченные существительные, имеющие значение состояния, положения, деятельности, например: *хакер* — **хакерство**, *геймер* — **геймерство** и др.

По мере освоения глобализмов русским языком многие из них дают производные на русской почве, однако ввиду чрезвычайно динамичной адаптации они не формируются в большие словообразовательные гнезда, хотя образуют новые слова по морфологическим, по неморфологическим и в сочетании неморфологического (сложение) и морфологического (суффиксальный) словообразовательных типов (комплексные дериваты). Некоторые из них уже кодифицированы и являются частью литературного языка. Так, например, в «Русском орфографическом словаре» перечень слов с корнем *интернет* занимает почти целую страницу (всего — 195 слов). При этом морфологические дериваты представлены всего шестью словами:

интернетизация, -и
интернетизированный, *кр.ф.* -ан, -ана
интернетизаровать(ся), -ирую(сь), -ирует(ся)
интернетовский
интернетчик, -а
интернетчица, -ы.

Остальные (188 слов) представляют собой атематические сложные слова с первой частью «*интернет-*» (неморфологические дериваты) и два тематических сложных слова (комплексные дериваты):

интернетоман, -а

интернетомания, -и²⁸.

В процессе адаптации и функционирования глобализмов членимость многих заимствованных слов в русском языке приближается к их членимости в английском языке. В глобализмах выделяются те же англоязычные суффиксы, что и в уже давно освоенных русским языком англицизмах:

суффикс *-мен (-смен)* для обозначения лица, например: *бейс-мен* (ср. *бейсик*), *лайн-смен* (ср. *онлайн*);

суффикс *-ер* для обозначения лица, например: *флуд-ер* (*флуд*), *спам-ер* (*спам*), *питч-ер* (*питч*);

суффикс *-инг* для обозначения процесса, названного мотивирующей основой, например: *тролл-инг* (*тролль*), *флуд-инг* (*флуд*).

Следует отметить, что на рубеже XX – XXI веков в русский язык пришло немалое количество слов с суффиксами *-ер* и *-инг*, в то время как распространенный в недавнем прошлом суффикс *-мен (-смен)* появляется лишь эпизодически в спортивной терминологии: суффикс *-ер* оказывается более активным и вытесняет суффикс *-мен (-смен)*, имеющий тождественное значение, на периферию деривации.

В современном русском языке функционирует немало глобализмов на *-инг*, значение которых близко, но не тождественно значению их прототипов в английском. Кроме того, такие термины, как *кастинг*, *холдинг* и др., принесли новые значения не в одну, а в несколько сфер русской лингвокультуры. У всех глобализмов с суффиксом *-инг* наблюдается высокая словообразовательная активность. Их деривация идет тремя путями:

- образование форм глаголов: *карвинг* – *карвинговать*, *пампинг* – *пампинговать*;

- образование форм прилагательных: *глайдинг* – *глайдинговый*, *троллинг* – *троллинговый*;

- образование форм существительных: *керлинг* – *керлингист*.

При анализе деривации таких глобализмов следует учитывать, что русским языком слова на *-инг*, как правило, усваиваются целиком, поэтому словообразовательная роль суффикса ослабляется. С этим и связано отсутствие смыслового тождества между русскими и английскими «инговыми» формами. В русском языке глобализмы на *-инг* утрачивают следы глагольности, становясь полноценными и самостоятельными в словообразовательном плане существительными.

В параграфе 4.2 «Особенности функционирования глобализмов» специфика функционирования глобализмов связывается не только со скоростью вхождения и интенсивностью адаптации в современном русском языке, но и с их терминологической природой.

Термин с его стремлением к однозначности имеет больше оснований для сохранения значения в диалоге культур при переходе слова из одного языка в

---

²⁸См.: Русский орфографический словарь: около 200000 слов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / Под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 242-243.

другой. Каждая терминологическая система является автономным пластом лексики языка. Сам термин в глазах неспециалистов уподобляется иностранному слову, по меньшей мере — экзотизму. В глобальной коммуникации интернациональные термины сложно перемежаются с национально-специфическими, хотя в целом тяготение представителей науки и техники к интернационализмам не вызывает сомнений. Национальная и международная нетождественность и неупорядоченность понятий, отсутствие координации в построении терминов могут приводить к неполной соотносительности. Положение оказывается несколько лучшим в относительно новых областях науки и техники (например, в компьютерной технике), понятия и термины которых распространились во многих странах почти одновременно, и более сложным в старых областях, особенно в гуманитарных науках с их традиционной приблизительностью и недостаточной международной координацией ряда понятий.

Указанные особенности глобализмов по-иному раскрываются, если подходить к их анализу с позиции дифференцированного подхода к терминологической лексике, различающего термин в специальной (профессиональной) сфере использования и термин в общелитературном окружении²⁹. В случае с глобализмами мы зачастую вообще не имеем нормативной словарной фиксации, зато получаем множество вариантов интерпретации значения термина «профессионально ограниченной группой людей», имеющей доступ к неограниченному информационному пространству. Поэтому глобализмы представляют собой тот пласт лексики, который активно функционирует в речи носителей языка задолго до того, как стать объектом деятельности терминографа и ортолога. Это актуализирует проблему жаргонной терминологии.

Жаргонная лексика русского языка, которая, по разным подсчетам, составляет около четверти словарного состава, отличается полифункциональностью, не свойственной терминам. При этом следует учитывать и то обстоятельство, что глобальная коммуникация носит преимущественно письменный характер, что делает профессиональные и социальные жаргоны не только богатым, но и стабильным источником глобальной лексики. Это позволяет фиксировать языковые факты с достаточной степенью репрезентативности.

Активное функционирование глобализмов, имеющих терминологическую природу, в современном русском языке реализуется за счет транстерминологизации и детерминологизации. В процессе транстерминологизации термин выходит за пределы своей терминосистемы, приобретая новые значения в других терминосистемах, а также позволяя приобретать новые значения ранее заимствованным словам, за счет широкой употребляемости в ситуации, когда глобальная интернет-коммуникация приобрела тотальный характер. В процессе детерминологизации термин

---

²⁹Авербух К.Я. Средства специальной номинации и проблема их описания в словарях разных типов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 240.

выходит за пределы своей функциональной сферы: «Процесс проникновения профессионального термина в общелитературный язык начинается с того момента, когда понятие, выраженное профессиональным термином, становится общедоступным, распространенным»³⁰.

Так, например, слово *тренд* функционировало в морской терминологии русского языка в значении «место стыка нижних концов рогов и нижней части веретена адмиралтейского якоря»³¹. В результате транстерминологизации слово *тренд* приходит в экономическую терминологию: оно эпизодически появляется в текстах экономической проблематики как экзотизм, используемый при описании реалий западного финансового рынка. В конце XX в. *тренд* появляется в терминологии эконометрики в значении «длительная («вековая») тенденция изменения экономических показателей»³². В 2000-е гг. происходит детерминологизация слова *тренд* — оно выходит за пределы морской и экономической терминологии и становится общеупотребительным в значении «склонность, тенденция, преобладающее направление развития, направленность общественного мнения, актуального стиля в моде и т.д.»³³. При этом при движении из специальной терминологии в терминологию общелитературного языка сема «направление» (собственно «trend») сохраняется во всех значениях глобализма *тренд*. Как видно, мы имеем дело с сочетанием параллельной транстерминологизации и последовательной детерминологизации.

Систематизация глобального пласта интернациональной лексики русского языка возможна на основе нескольких подходов. В первом приближении обращает на себя внимание тематическая дифференциация. Она в целом совпадает с традиционным представлением об основных тематических пластах интернациональной лексики (политическая, экономическая, научная, техническая, спортивная и т.д.). В то же время наши наблюдения показывают, что наиболее интенсивно пополняется компьютерная (*аккаунт, ассемблер, бан, бенчмарк, блог, бэкап* и т.д.), экономическая (*антидэмпинг, аутсорсинг, брэндинг, гудвилл* и т.д.), спортивная (*армрестлинг, бёрди, борд, воркаут* и т.д.) и консюмерная (*барбершоп, бьюти, бренд, вонпер, гламур, свитшот, худи* и т.д.) глобальная лексика.

В параграфе 4.3 «Варианты типологии глобализмов» мы предлагаем несколько вариантов функциональной классификации глобализмов: по способу оформления, по наличию/отсутствию понятия в русской лингвокультуре, по сфере употребления.

По способу оформления в русском языке как языке-реципиенте можно выделить следующие группы глобализмов:

---

³⁰ Сороколетов Ф.П. Терминология и лексикография // Теория языка, методы его исследования и преподавания. Л., 1981. С. 251.

³¹ См.: Самойлов К.И. Морской словарь. М.—Л.: Государственное Военно-морское издательство НКВМФ Союза ССР, 1941.

³² См.: Лопатников Л.И. Экономико-математический словарь. Словарь современной экономической науки. М.: Дело, 2003.

³³ См.: Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО, 2006.

1. Глобализмы, измененные графически и переданные соответствующими средствами русского языка без каких бы то ни было структурных изменений, например: *тренд (trend)*, *троллинг (trolling)* и др.

2. Глобализмы с частичной морфологической субституцией. Обычно заменяется аффиксальная часть или элемент сложного слова, ср.: *слиперы (slippers)*, *монки (monks)*, *веб-форум (web forum)*, *микро-флуд (microflood)*, и др.

3. Глобализмы, морфологически оформленные средствами русского языка, напр., *гуглить – (to) google*, *гламурный – glamour* и др. В основном, такие глобализмы — дериваты глобализмов первого типа.

4. Глобализмы, изменившие свой фонетический облик при переходе из английского языка в русский: *геймер – gamer*, *оверквотинг – overquoting* и др.

5. Глобализмы, заимствованные с греческими и латинскими элементами: *бета-ридер – beta-reader* и т.п.

6. Глобализмы с элементами калькирования: *полные броги – full brogues*, *полуброги – half brogues* и т.п.

В зависимости от наличия или отсутствия понятия, обозначаемого глобализмом в русской лингвокультуре, глобальную лексику русского языка можно разделить на две группы:

1. Глобализмы, проникшие в русский язык вместе с новыми понятиями (напр., *скроллинг*, *оверквотинг*, *бан*, *флейм*, *мультипост* и т.п.).

2. Глобализмы, называющие понятия, которые и ранее были известны носителям языка, но имели другой план выражения (напр., *тренд* — тенденция, *месседж* — послание, посыл и т.п.).

Если в первом примере глобализм упрощает номинацию, воплощая фундаментальную тенденцию к экономии языковых средств, во втором — усложняет, воплощая фундаментальную тенденцию к обогащению языка. Однако в последнее время появляется все больше глобализмов, воплощающих обе тенденции одновременно (напр., *худи* — толстовка с капюшоном, *фейк* — намеренная ложь, фальшивка, дезинформация и т.п.).

По сфере употребления глобализмы могут быть разделены на следующие группы:

1. Глобализмы общеупотребительные. В эту группу включаются слова, полностью освоенные русским языком: это общеупотребительные термины (например, *спам*, *селфи*, *сайт*, *тренд* и др.), а также официальные, общепринятые в кругу специалистов стилистически нейтральные термины (напр., *аккаунт*, *логин*, *твит* и др.).

2. Глобализмы необщеупотребительные. Они освоены русским языком не полностью. От широты распространения понятий, обозначаемых такими глобализмами, зависит их дальнейшее распределение по классам.

Необщеупотребительные глобализмы представлены следующими группами:

- профессионализмы, в состав которых, в свою очередь входят узкоспециальные термины (напр., *флуд* и его разновидности: *ник-флуд*, *смайл-флуд*, *микро-флуд*, *презентс-флуд* и т.п.);

- жаргонизмы, имеющие сферу употребления, ограниченную коммуникацией внутри различных профессиональных и социальных групп (напр., сленг *геймеров, хакеров, пранкеров* и пр.).

Следует особо отметить, что высокая скорость и непринужденность межъязыкового взаимодействия в глобальной коммуникации приводят к тому, что исконные жаргонизмы начинают испытывать конкуренцию со стороны глобальных.

В **заключении** диссертации подводятся итоги проведенного исследования. Они подтверждают справедливость выдвинутой гипотезы и позволяют утверждать, что глобализмы в современном русском языке представляют собой отдельный класс интернациональной лексики, формирующийся в результате воздействия глобализационных процессов в условиях расширения пространства интернет-коммуникации как виртуального языкового ареала глобального английского. Как и другие интернационализмы, лексические глобализмы обладают формальным и содержательным тождеством в разных языках, однако, в отличие от других интернационализмов, бытуют не просто в нескольких неблизкородственных языках, но именно в глобальном и субглобальных языках, что обеспечивает им всемирное, а не только международное распространение.

Следует полагать, что традиционное языковое гостеприимство русской лингвокультуры обеспечит дальнейшее расширение данного лексического класса в современном русском языке.

Перспективы дальнейшего изучения глобализмов видятся, по меньшей мере, в трех направлениях. Первое связано с анализом функционирования актуализированной глобальной лексики — заимствованной русским языком давно, до получения английским языком статуса глобального, но ставшей широко употребительной только в период (или под воздействием) языковой глобализации. Второе продиктовано необходимостью словарной кодификации глобальной лексики, а также выработки соответствующих ортологических рекомендаций, направленных на укрепление речевой культуры, защиту от орфографической дестабилизации. Третье направление — анализ результатов влияния глобального языка не как источника, а как посредника в глобальном лексико-семантическом обмене.

Библиография включает научные источники, словари и справочники, а также источники языкового материала (всего 330 наименований).

В **приложении** представлены наиболее репрезентативные элементы рабочей картотеки (свыше 300 слов).

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Монографии

1. Косырева, М.С. Глобализмы в русском языке: монография / М.С. Косырева. — М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2016. — 171 с. (11,5 п.л.)

Рецензия: Казак, Е.А. 2017.03.026. Косырева М.С. Глобализмы в русском языке. — М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2016. — 171 с. / Е.А. Казак // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и

зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал.
– М.: ИНИОН РАН, 2017. Вып. 3. – С. 145-149.

2. Косырева, М.С. Глобализация интернациональной лексики русского языка: монография / М.С. Косырева. – М.: Московская академия Следственного комитета, 2017. – 102 с. (9,5 п.л.)

Словарь

3. Косырева, М.С. Словарь глобализмов русского языка начала XXI века / М.С. Косырева. – Новосибирск: СИУ РАНХиГС, 2019. – 124 с. (10 п.л.)

Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК

4. Косырева, М.С. Гетеростереотипы русской лингвокультуры начала XXI века / М.С. Косырева, А.Н. Долгенко, С.Ф. Мурашко // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. – № 10 (88). – С. 94-97 (0,4 п.л. / авт. – 0,3 п.л.)

5. Косырева, М.С. От "selfie" к "селфи": пути адаптации англицизмов в современном русском языке / М.С. Косырева, А.Н. Долгенко, В.Р. Богословская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 9-10 (104). – С. 125-129. (0,5 п.л. / авт. – 0,3 п.л.)

6. Косырева, М.С. Парадигма в интерлингвистическом анализе / М.С. Косырева, С.Ф. Мурашко // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. – № 11 (89). – С. 89-93. (0,4 п.л. / авт. – 0,3 п.л.)

7. Косырева, М.С. Русская лингвокультура. Некоторые особенности гетеростереотипов начала XXI века / М.С. Косырева, А.Н. Долгенко, С.Ф. Мурашко // Альманах «Казачество». – 2015. — №14. – С. 74-80. (0,5 п.л. / авт. – 0,3 п.л.)

8. Косырева, М.С. Типология иноязычных заимствований в профессиональной лексике: психолого-акмеологический анализ / М.С. Косырева, В.Р. Богословская, С.Ф. Мурашко // Акмеология. – 2016. – № 1 (57). – Т.1. – С. 186-189. (0,4 п.л. / авт. – 0,2 п.л.)

9. Косырева, М.С. Глобализмы как проблема интерлингвистики и русистики / М.С. Косырева, А.Н. Долгенко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 2 (106). – С. 105-110. (0,5 п.л. / авт. – 0,3 п.л.)

10. Косырева, М.С. Интернационализмы и глобализмы / М.С. Косырева, А.Н. Долгенко // Этносоциум и межнациональная культура. – 2016. – № 6 (96). – С.120-126. (0,5 п.л. / авт. – 0,3 п.л.)

11. Косырева, М.С. Интернациональная лексика в русском языке: опыт XX века / М.С. Косырева, С.В. Рудакова, С.Ф. Мурашко, В.Р. Богословская // Этносоциум и межнациональная культура. – 2016. – № 7 (97). – С. 54-60. (0,5 п.л. / авт. – 0,3 п.л.)

12. Косырева, М.С. Интернациональная лексика как средство релевантных коммуникативных отношений / М.С. Косырева, С.В. Рудакова, В.Р. Богословская // Акмеология. – 2016. – № 4 (60). – С. 109-116. (0,5 п.л. / авт. – 0,3 п.л.)

13. Косырева, М.С. Аспекты интернационализации лексики в субглобальных языках / М.С. Косырева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 6 (60). Ч. 3. — С 39-40. (0,3 п.л.)
14. Косырева, М.С. Глобализация английского языка: причины и последствия / М.С. Косырева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. — № 7 (73): в 3-х ч. — Ч. 3. — С. 138-140. (0,3 п.л.)
15. Косырева, М.С. Концепция глобальных языковых сетей и ее эвристический потенциал / М.С. Косырева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 7 (120). — С. 86-89. (0,4 п.л.)
16. Косырева, М.С. Основные параметры глобального языка / М.С. Косырева, А.Н. Долгенко, С.Ф. Мурашко // Этносоциум и межнациональная культура. — 2017. — № 8 (110). — С. 137-140. (0,4 п.л. / авт. – 0,3 п.л.)
17. Косырева, М.С. Особенности развития русского языка в эпоху глобализации / М.С. Косырева // Альманах «Казачество». – 2017. — № 28. — С. 59-67. (0,5 п.л.)
18. Косырева, М.С. Реализация деривационного потенциала глобализмов в современном русском языке / М.С. Косырева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 4-2 (58). – С. 50-52. (0,4 п.л.)
19. Косырева, М.С. Стабилизация произношения и написания глобализмов в русском языке / М.С. Косырева // Балтийский гуманитарный журнал. — 2017. — Том 6. — № 1 (18). — С. 52-55. (0,4 п.л.)
20. Косырева, М.С. Технологии глобальной коммуникации в социальных медиа / М.С. Косырева, С.Ф. Мурашко, А.Н. Кротова // Этносоциум и межнациональная культура. — 2017. — № 4 (106). — С. 58-62. (0,4 п.л. / авт. – 0,3 п.л.)
21. Косырева, М.С. Экстралингвистические факторы и риски языковой глобализации / М.С. Косырева // Международный научно-исследовательский журнал. — 2017. — № 6 (60). — Ч.3. — С. 37-39. (0,4 п.л.)
22. Косырева, М.С. Специфика функционирования глобализмов в современном русском языке / М.С. Косырева, А.Н. Долгенко, С.Ф. Мурашко // Этносоциум и межнациональная культура. — 2019. — № 1 (127). — С. 46-53. (0,8 п.л. / авт. – 0,6 п.л.)
23. Косырева, М.С. Глобальный язык и лингвистическая глобалистика / М.С. Косырева // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. — 2019. — № 7. — С. 228-231. (0,4 п.л.)
24. Косырева, М.С. Динамика интернационализации лексики русского языка / М.С. Косырева // Современный ученый. — 2019. — № 6. — С. 180-184. (0,4 п.л.)
25. Косырева, М.С. Орфографическая дестабилизация как результат языковой глобализации / М.С. Косырева // Современное педагогическое образование. — 2019. — № 10. — С. 165-167. (0,4 п.л.)
26. Косырева, М.С. Морфологическая адаптация глобализмов / М.С. Косырева // Современный ученый. 2019. № 6. С. 163-166. (0,4 п.л.)

27. Косырева, М.С. Освоение глобализмов: результаты социолингвистического исследования / М.С. Косырева // *Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук*. — 2019. — № 7. — С. 240-242. (0,4 п.л.)
28. Косырева, М.С. Особенности функционирования глобальной лексики в русском языке начала XXI века / М.С. Косырева // *Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук*. — 2019. — № 6. — С. 261-264. (0,4 п.л.)
29. Косырева, М.С. Интернет и глобальный английский как инструменты цифровой дипломатии / М.С. Косырева, А.Н. Долгенко, В.Р. Богословская // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. — 2019. — № 8 (141). — С. 138-142. (0,4 п.л. / авт. – 0,2 п.л.)
30. Косырева, М.С. Цифровая дипломатия и языковая глобализация / М.С. Косырева, Д.М. Табарек // *Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук*. — 2019. — № 6. — С. 277-280. (0,4 п.л. / авт. – 0,2 п.л.)
31. Косырева, М.С. Константы интерлингвистики в контексте языковой глобализации / М.С. Косырева, В.Р. Богословская // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. — 2019. — № 8 (141). — С. 133-138. (0,5 п.л. / авт. – 0,3 п.л.)
32. Косырева, М.С. Языковая глобализация и языковая креативность / М.С. Косырева // *Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук*. — 2019. — № 6. — С. 290-293. (0,4 п.л.)
33. Косырева, М.С. English as a soft power tool in the modern global communication / М.С. Косырева, А.Н. Долгенко, С.Ф. Мурашко, В.Р. Богословская, С.В. Рудакова // *Этносоциум и межнациональная культура*. — 2020. — № 4 (142). — С. 111-117. (0,6 п.л. / авт. – 0,3 п.л.)
34. Косырева, М.С. Языковая глобализация и лингвистическая глобалистика / М.С. Косырева, А.Н. Долгенко // *Филология: научные исследования*. — 2020. — № 7. — С. 36 - 40. (0,5 п.л. / авт. – 0,3 п.л.)
- Статья в журнале, индексируемом в базе данных Scopus*
35. Kosyreva, M.S. Axioms of interlinguistics in the context of language globalization / M.S. Kosyreva, V.R. Bogoslovskaya, A.N. Dolgenko, S.F. Murashko, S.V. Rudakova // *International Journal of Recent Technology and Engineering*. — 2019. — Vol. 8. — Issue. 3. — P. 4533 – 4536. (0,8 п.л. / авт. – 0,3 п.л.)
- Статьи и тезисы докладов в научных журналах, сборниках научных трудов и материалов конференций, изданных за рубежом*
36. Косырева, М.С. Глобализация интернациональной лексики / М.С. Косырева // *21 century: fundamental science and technology X: Proceedings of the Conference*. North Charleston, 3-4.10.2016. — North Charleston, SC, USA: Create Space, 2016. — P. 166-168. (0,4 п.л.)
37. Косырева, М.С. Диахронический анализ интернациональной лексики / М.С. Косырева // *Международный научный журнал «NOVATION»*. — 2016. — № 4, часть 1. — С. 79-80. (0,4 п.л.)
38. Косырева, М.С. Понятие лексического глобализма / М.С. Косырева // *The Twelfth European Conference on Languages, Literature and Linguistics. Proceedings of the Conference (August 23, 2016) / «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH*. — Vienna, 2016. — P. 18-20. (0,4 п.л.)

39. Косырева, М.С. Функциональные возможности глобализмов / М.С. Косырева // Topical areas of fundamental and applied research IX: Proceedings of the Conference. North Charleston, 11-12.07.2016. — North Charleston, SC, USA: Create Space, 2016. — P. 146-147. (0,3 п.л.)

40. Косырева, М.С. Language globalization and language globalistics / М.С. Косырева, А.Н. Долгенко // SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences. — 2020. — № 2. — С.39-43. (0,4 п.л. / авт. – 0,2 п.л.)

Статьи в сборниках научных трудов, материалов научных конференций и других научных изданиях

41. Косырева, М.С. Активные словообразовательные модели в деривации глобализмов в русском языке / М.С. Косырева // Современные технологии в мировом научном пространстве: сборник статей Международной научно-практической конференции (20 ноября 2016 г., г. Казань). — Ч. 4. — Уфа: Аэтерна, 2016. — С. 65-67. (0,3 п.л.)

42. Косырева, М.С. Возможности интернационализации лексики в глобальном и субглобальных языках / М.С. Косырева // «Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы»: сборник по материалам V международной научно-практической конференции, 13 октября 2016 г., г. Москва. — М.: Научный журнал "Chronos", 2016. — С. 108-114. (0,5 п.л.)

43. Косырева, М.С. Глобализмы и квазиглобализмы / М.С. Косырева // Новое слово в науке: перспективы развития: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 7 авг. 2016 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. — № 3 (9). — С. 130-131. (0,3 п.л.)

44. Косырева, М.С. Глобально значимые языки в современной межкультурной коммуникации / М.С. Косырева // Коммуникативные среды информационного общества: Тренды и традиции: Труды Междунар. науч.-теор. конф. 28-29 октября 2016 года. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. — С. 130-132. (0,3 п.л.)

45. Косырева, М.С. Глобальный и субглобальные языки/ М.С. Косырева // Научный журнал «Апробация». — 2016. — № 7 (46). — С. 131-133. (0,3 п.л.)

46. Косырева, М.С. Грамматическая адаптация глобализмов в русском языке / М.С. Косырева // Новая наука: современное состояние и пути развития. — 2016. — № 8. — С. 103-105. (0,3 п.л.)

47. Косырева, М.С. Деривационные возможности глобализмов в русском языке / М.С. Косырева // Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития: сборник трудов по итогам III Международной научно-практической конференции. — Т. 3. — Красноярск: Инновационный центр развития образования и науки, 2016. — С. 83-87. (0,3 п.л.)

48. Косырева, М.С. Интернационализация терминологической лексики в глобальной коммуникации / М.С. Косырева // Научные тенденции: Филология, Культурология, Искусствоведение: сборник научных трудов по материалам международной научной конференции. — Самара: ЦНК МНИФ «Общественная наука», 2016. — Ч. 1. — С. 15-17. (0,3 п.л.)

49. Косырева, М.С. Истоки интернациональной лексики в русском языке / М.С. Косырева // Тенденции развития науки и образования. — 2016. — № 17-1. — С 25-27. (0,3 п.л.)
50. Косырева, М.С. Квазиглобализмы: критерии идентификации / М.С. Косырева // Новая наука: от идеи к результату. — 2016. — № 10-2. — С. 163-165. (0,3 п.л.)
51. Косырева, М.С. Критерии глобальности языка / М.С. Косырева // Наука и инновации в современных условиях: сборник трудов международной научно-практической конференции: в 5 частях. — Ч. 4. — Уфа: Омега Сайнс, 2016. — С. 43-45. (0,3 п.л.)
52. Косырева, М.С. Критерии интернациональности лексических единиц / М.С. Косырева // Материалы 9-й международной конференции «Проблемы и перспективы современной науки» (Часть 1). — М., 2016. — С.150-154. (0,4 п.л.)
53. Косырева, М.С. Лексико-семантическая адаптация глобализмов / М.С. Косырева // Влияние науки на инновационное развитие: сборник статей Международной научно-практической конференции (г. Пермь, 25 августа 2016 г.). — Уфа: Аэтерна, 2016. — С. 78-79. (0,2 п.л.)
54. Косырева, М.С. Лексико-семантические особенности интернациональной лексики в глобально значимых языках / М.С. Косырева // Современные тенденции развития науки и технологий. — № 7-4. — С.34-37. (0,3 п.л.)
55. Косырева, М.С. Методология изучения интернационализмов в лингвистической компаративистике / М.С. Косырева // Гуманитарные науки: современный взгляд на изучение актуальных проблем: Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. — Астрахань: Институт инновационных технологий, 2016. — С. 122-127. (0,4 п.л.)
56. Косырева, М.С. Методологические проблемы изучения глобальной лексики / М.С. Косырева // Тенденции развития науки и образования. — 2016. — № 19-1. — С. 15-17. (0,3 п.л.)
57. Косырева, М.С. Морфологические особенности интернациональной лексики / М.С. Косырева // Современное состояние и перспективы развития научной мысли: сборник статей Международной научно-практической конференции (8 октября 2016 г, г. Новосибирск). В 2 ч. — Ч.2. — Уфа: Омега Сайнс, 2016. — С 44-46. (0,3 п.л.)
58. Косырева, М.С. Морфологические признаки интернациональной лексики в русском и английском языках / М.С. Косырева // Тенденции развития науки и образования. — 2016. — № 16-1. — С. 31-33. (0,3 п.л.)
59. Косырева, М.С. Опыт типологии глобализмов по сфере употребления / М.С. Косырева // Наука, образование и инновации: сборник Международной научно-практической конференции (15 октября 2016 г., г. Екатеринбург) / М.С. Косырева. Уфа: Аэтерна, 2016. — С. 74-76. (0,3 п.л.)
60. Косырева, М.С. Особенности интернационализации лексического состава русского языка в XIX в. / М.С. Косырева // Приоритетные направления развития науки и образования. — 2016. — № 2 (9). — С. 179-181. (0,3 п.л.)
61. Косырева, М.С. Особенности развития интернациональной лексики русского языка в XX в. / М.С. Косырева // Теоретические и практические

аспекты развития научной мысли в современном мире: сборник статей Международной научно-практической конференции (8 сентября 2016 г., г. Новосибирск). — Уфа: Омега Сайнс, 2016. — С. 207-209. (0,3 п.л.)

62. Косырева, М.С. Практическая транскрипция как способ графической адаптации глобализмов / М.С. Косырева // Внедрение результатов инновационных разработок: проблемы и перспективы: сборник статей международной научно-практической конференции (18 ноября 2016 г., г. Екатеринбург). — Уфа: Омега Сайнс, 2016. — С. 208-210. (0,3 п.л.)

63. Косырева, М.С. Проблемы грамматической адаптации глобализмов / М.С. Косырева // Проблемы современных интеграционных прогрессов и пути их решения: сборник статей международной научно-практической конференции (г. Омск, 13 декабря 2016 г.). В 2 частях. — Часть 2. — Уфа: Омега Сайнс, 2016. — С. 161-163. (0,3 п.л.)

64. Косырева, М.С. Проблемы семантической адаптации глобализмов / М.С. Косырева // Современные технологии в мировом научном пространстве: сборник статей Международной научно-практической конференции (20 ноября 2016 г., г. Казань). — В 4 ч. — Ч. 4. — Уфа: Аэтерна, 2016. — С. 67-68. (0,2 п.л.)

65. Косырева, М.С. Проблема семантического соответствия глобализмов в разных языках / М.С. Косырева // Инновационные процессы в научной среде: сборник трудов международной научно-практической конференции (8 декабря 2016 г., г. Новосибирск): в 4 частях. — Ч. 4. — Уфа: Омега Сайнс, 2016. — С. 106-108. (0,3 п.л.)

66. Косырева, М.С. Проблемы типологии глобализмов / М.С. Косырева, А.Н. Долженко // Фундаментальные и прикладные научные исследования: сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 19 июня 2017 г.). — Иркутск: Научное партнерство «Апекс», 2017. — С. 39-43. (0,3 п.л.)

67. Косырева, М.С. Русская лингвокультура начала XXI века и языковая глобализация / М.С. Косырева // Язык и культура: сборник материалов XXIV Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. — Новосибирск: ЦРНС, 2016. — С. 144-148. (0,3 п.л.)

68. Косырева, М.С. Словообразовательные возможности глобализмов в русском языке / М.С. Косырева // Научные исследования и разработки в эпоху глобализации: сборник статей международной научно-практической конференции (25 ноября 2016 г., г. Пермь). — Уфа: Аэтерна, 2016. — С. 36-38. (0,3 п.л.)

69. Косырева, М.С. Специфика лексической интернационализации терминосистем / М.С. Косырева // Материалы и методы инновационных исследований и разработок: сборник трудов международной научно-практической конференции: в 3 частях. — Ч.2. — Уфа: Омега Сайнс, 2016. — С.141-143. (0,3 п.л.)

70. Косырева, М.С. Субглобальные языки / М.С. Косырева // Сборник публикаций научного журнала "Chronos" по материалам IV международной научно-практической конференции «Вопросы современной науки: проблемы,

тенденции и перспективы» (г. Москва, 13 июля 2016 г.). – М: Научный журнал "Chronos", 2016. — С. 63-64. (0,3 п.л.)

71. Косырева, М.С. Тенденции развития интернациональной лексики русского языка в начале XXI века / М.С. Косырева // Влияние науки на инновационное развитие: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции (25 августа 2016г., г. Пермь) / отв. ред. А.А. Сукиасян. — Уфа: Аэтерна, 2016. — С. 75-78. (0,3 п.л.)

72. Косырева, М.С. Термины в системе интернациональной лексики / М.С. Косырева // Гуманитарные науки в современном мире: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 11 сентября 2016 г.). — Уфа: Инновационный центр развития образования и науки, 2016. — С. 46-49. (0,3 п.л.)

73. Косырева, М.С. Типология глобализмов по способу оформления в языке / М.С. Косырева // III Международные научные чтения (памяти И.И. Ползунова): Сборник статей Международной научно-практической конференции (19 октября 2016 г., г. Москва). – М.: ЕФИР, 2016. – С. 70-72. (0,3 п.л.)

74. Косырева, М.С. Традиции изучения интернациональной лексики / М.С. Косырева // Новые тенденции развития гуманитарных наук: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. — Ростов-на-Дону: Инновационный центр развития образования и науки, 2016. — С. 98-103. (0,3 п.л.)

75. Косырева, М.С. Транслитерация как способ графической адаптации глобализмов / М.С. Косырева // Современные технологии в мировом научном пространстве: сборник трудов международной научно-практической конференции (20 ноября 2016 г., г. Казань). — Уфа: Аэтерна, 2016. — С. 68-70. (0,3 п.л.)

76. Косырева, М.С. Фонетический и графический аспекты анализа глобализмов / М.С. Косырева // Новые информационные технологии в науке: сборник трудов международной научно-практической конференции (28 ноября 2016 г., г. Уфа). — Уфа: Омега Сайнс, 2016. — С. 107-108. (0,3 п.л.)

77. Косырева, М.С. Лексико-семантическая адаптация глобализма «хайп» в русском языке / М.С. Косырева, А.Н. Долгенко // Современные концепции развития науки: сборник статей Международной научно-практической конференции (26 октября 2018 г., г. Уфа). – В 3 ч. – Ч.3. – Уфа: Омега Сайнс, 2018. – С. 174-176. (авт. – 0,2 п.л.)